

Валерий Вайнин

ПЕТРУШКА НА БАЛУ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Валерий Вайнин

Петрушка на балу

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39153056

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-1457-9

Аннотация

Талантливый физик и незаурядная личность, который за что ни возьмется – делает это блестяще: от игры в шахматы до решения научных задач, от молодежных танцев до помощи близким друзьям. К изумлению окружающих этот гений, что называется, все бросил и погрузился в балет. И все это не только ради любимой девушки-балерины, а потому что пижону этому, как ни странно, самому интересно... Девушка его, напротив, бросает балет и со временем становится успешной владелицей ресторана. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Вместо пролога	4
Глава 1	11
Глава 2	43
Глава 3	69
Глава 4	93
Глава 5	121
Конец ознакомительного фрагмента.	161

Вместо пролога

В конце рабочего дня прокурорный кабинетик казался душегубкой. Но хозяин кабинета, миниатюрный мужчина средних лет с модной стрижкой, душегубом не выглядел вовсе. Хоть дымил сигаретой не переставая. Глаза его при том выражали усталость и снисхождение к человеческим порокам. Он был следователем районной прокуратуры.

– Такой вот пирожок с хреном, – произнес он, пустив дым в потолок.

Сидящий напротив худощавый субъект шевельнулся, под обвислым пиджаком. Его небритое лицо будто окаменело, а в глазах снисхождение не проступало – одна лишь злость. И был он капитаном ОВД, ментом то есть.

– Не врубаюсь, – процедил он сквозь зубы. – Евгений Борисович, блин...

– Врубаешься, – перебил следователь, – и не крути мне яйца. Ты способный, Хомяков. Начальство тебя ценит.

Хомяков отмахнулся от табачного дыма.

– Евгений Борисович, вы не могли открыть дело по такой...

– Мог, – возразил следователь прокуратуры. – И открыл формально.

Капитан милиции шмякнул ладонью по столу.

– По такой херне, блин!

Следователь почесал кустистую бровь.

– Не блинкой тут. Не вчера, небось, с дуба рухнул.

Хомяков в гневе расправил сутулые плечи, приоткрыл рот... однако сдержался и буркнул после паузы:

– Давайте так, Евгений Борисович. Я изложу, как понял, а вы поправите, если ошибусь.

– Валяй, Виталик, – кивнул следователь. – Насчет поправить – без проблем.

Хомяков глянул исподлобья, словно хотел боднуть.

– Сегодня вторник, – заметил он, – а пожар у них был в субботу. Если это считать пожаром.

Евгений Борисович подмигнул.

– Чем же еще? Дело открыто.

Пиджак на плечах капитана милиции трепыхнулся от вдоха.

– Пожар, значит, случился в субботу. Погасили сами, причем без осложнений. Пожарных, милицию не вызывали. То есть ни осмотра, ни экспертизы...

– Но комнаты заперли на замок, – ввернул следователь. – Ничего там не трогали.

– Ну конечно, – усмехнулся Хомяков. – И декорации, вроде, пострадали не сильно, и балетмейстер их обжегся чисто символически: из больницы сразу выперли.

Следователь возвел взор к небесам.

– Виталик, чего ты от меня хочешь? Велели открыть дело – я открыл. Велят закрыть...

– Кто, блин, велел?! Тюня, что ли?!

Следователь приложил палец к губам.

– Чего орешь? Накличешь.

– Да ладно! – отмахнулся капитан Хомяков. – На мне дел по самые помидоры. А вчера еще ювелирный грабанули, ущерб хрен знает какой...

Миниатюрный следователь аж подскочил.

– А у меня, по-твоему, каникулы на Гавайях?! Строительная фирма «Монолит», слыхал про такую?! Меня, может, вообще замочат завтра – так еще театрик с пожаром навесили!

– Ну и послали бы в жопу.

– Кого – Тюню?! Шустрый ты больно! Заявился вчера их продюсер – кум королю: этакий красавчик, парфюмом благоухает...

– Я не голубой. Зачем эти подробности? – раздраженно перебил капитан ОВД.

Следователь погасил окуроч в переполненной пепельнице.

– Не голубой, правда? Спасибо, утешил. Приволок, значит этот красавчик заявление с описанием обстоятельств пожара. Подозревает, мол, поджег и просит расследовать. А за час до его явления был звонок из Генеральной: отнесите, дескать, со вниманием. Тюня, само собой, сделал стойку...

Тут дверь распахнулась и в кабинет вступил господин в синей форме с отечным лицом и заплывшими острыми глазками.

– Щас покажу вам Тюню! Такого Тюню покажу...

– Владимир Иванович, – не растерялся капитан ОВД, – почему я? На мне теперь еще ювелирный висит, не хухры–мухры.

Районный прокурор Тюняев воззрился на него, заложив руки за спину.

– А ювелирного, Хомяков, никто с тебя и не снимает. Это дело под моим личным контролем.

– Как и фирма «Монолит», – буркнул следователь, отводя взгляд.

Тюняев, опершись руками о стол, отчеканил:

– Не об–суж–да–ет–ся! – Затем подмигнул вдруг Хомякову. – Он уже ныл тебе, что его скоро замочат? Он таки прав: замочу его я. Если в темпе не закроете долбанный этот пожар.

Следователь с грустью изучал стену.

Капитан Хомяков попробовал упереться:

– Все-таки почему я, Владимир Иванович?

Прокурор тряхнул двойным подбородком.

– Не обсуждается. Для такого дела, – скривил он губы, – опасного для жизни, вы идеальная следственная группа. С твоим Ковальчуком согласовано. Либо снимите с меня этот хомут, либо вздрючу – мало не покажется. – Он шагнул к двери и, выходя, пригрозил: – Я покажу вам Тюню!

Выдержав паузу, следователь пробормотал:

– Накликал-таки.

Хомяков чиркнул пальцем себя по горлу.

– Вот где мне все!.. Ладно, Евгений Борисович, если попали – давайте закругляться. Что у нас имеется?

Евгений Борисович извлек из ящика стола лист бумаги.

– Этот вот пирожок с хреном. Здесь перечень танцоров, участвовавших в субботней репетиции, и адрес театра. Действуй, Виталик. В случае чего бросим на подмогу ОМОН.

На прикол Хомяков не отреагировал, лишь уточнил:

– По-вашему, поджог устроил кто-то из танцоров?

Следователь пожал плечами.

– Это мне расскажешь ты. – Он подвинул капитану список. – А я с интересом тебя послушаю.

Хомяков уткнулся в бумажный лист.

– «Театр-антреприза «Балбес», – прочел он вслух. – Почему «Балбес»?

Следователь стал терять терпение.

– Полюбопытствуй у них сам. И надеюсь, ты выяснишь не только это. Все, чао-какао.

Капитан Хомяков, однако, не торопился.

– «Художественный руководитель (балетмейстер), – вновь прочел он вслух, – Макаров Сергей Петрович. Продюсер – Ляшенко Валентин Николаевич.» Ваш красавчик, что ли?

Следователь сунул в рот сигарету.

– Молодец, догадался. Теперь гуляй.

Сутулые плечи Хомякова распрямились.

– Знаете, что я думаю? Этот балетмейстер сам и поджег. В рекламных целях. С одобрения продюсера, гадом быть.

И шумиха с прокуратурой – просто для понтов. А балбесы – это мы с вами.

Поерзав на стуле, следователь закурил.

– Не исключаю. И все же ты там поделикатней. Народ они, сам понимаешь, с амбициями. И покровителей у них как у бобика блох. Не зря же на Тюню, – следователь зыркнул на дверь, – так нагло надавили. Действуй с оглядкой, Виталь.

Хомяков с хмурым видом поднялся.

– Как получится. – Он сложил вчетверо лист с фамилиями и сунул в карман пиджака. – Факты подтасовывать не буду.

– Кто велит подтасовывать? Просто будь как бы дипломатом.

– Евгений Борисович, дипломат из меня, как из быка – пони. Хотите поделикатней, вызывайте их повесткой и плетите тут кружева...

– Нет! – рубанул следователь. – Повестка не прокатит! Капитан ОВД слегка удивился:

– А что такого? В обморок, что ли, попадают?

Следователь выдохнул дым из ноздрей.

– Знаю эту публику. С моей фамилией заклюют. Чуть что – начнется: «Думаете, если вы Бетховен, вам все можно?.. Не ожидала от вас, господин Шуберт!» Нет уж, Виталик, обойдемся без повесток.

Капитан Хомяков улыбнулся, и лицо его стало мальчишески озорным.

– Ладно, Евгений Борисович, вашу фамилию постараюсь

не трепать. – С этими словами он покинул кабинет.

Следовательдохнул ему вдогонку сигаретным дымом.

Фамилия следователя была Бах.

Глава 1

Стены зала были зеркальными с поручнями вдоль. Полы устилал специальный линолеум: танцуй без помех. Но апрельское солнце в зеркалах так разбушевало, что пришлось прикрыть жалюзи на окнах. Это создало нечаянный интим, подчеркнутый звучащим из динамиков блюзом. Хотелось присесть с чашечкой кофе, расслабиться... Но кто позволит?

Семь танцоров в черных трико (четверо мужчин и три женщины) работали, что называется в поте лица, и, не взирая на раннее утро, выглядели взмыленными. Называлось ли это разминкой, тренировкой или репетицией, Бог его знает. Но полюбоваться на это стоило. Лица танцоров, построенных в две неравные шеренги, обращены были к тренеру, балетмейстеру, а может, гуру – определить трудно, ибо смотрелся их командор вовсе не по-балетному. Сорокалетний сей крепыш, также затянутый в трико, походил скорее на штангиста. Его всклоченные волосы, однако, во время танца оставались еще сухими, губы улыбались, а серые глаза жмурились от удовольствия. И что это был за танец? Аэробика? Спортивная гимнастика? Пляска дикарей?

Под звуки блюза крепыш с фигурой штангиста двигался с кошачей грацией, выделявая черт-те что. И танцоры синхронно повторяли его движения. Удивительно ли, что все

они в той или иной степени взмокли? Извиваясь под музыку, крепыш изобразил «танец живота», затем сел на шпагат и кувыркнулся через голову. Четверо мужчин и трое женщин все это повторили.

– Лера, отстаешь! – произнес командор, продолжая импровизацию.

Танцовщица, к которой относилось замечание «подтянулась», а тощий немолодой танцор буркнул:

– Чтоб ты сдох, Макаров.

На это пожелание крепыш не отреагировал, лишь с удивительным изяществом прошелся колесом, после чего изменил ритмику движений. Танцоры опять повторили все в точности. Меж тем из динамиков хлынула румба. Крепыш – балетмейстер указал пальцем на русоволосую красотку с красной лентой вокруг головы.

– Ольга!

Красотка, выйдя из шеренги, встала к коллегам лицом, а командор занял ее место. Взоры обратились на новую мушкетершу. С воплем «кийя!» красотка приняла бойцовскую стойку. Все повторили ее движение (без вопля, правда). И тот же тощий танцор проворчал:

– Олька, чтоб ты лопнула.

– Не дожدهшься.

Командор молча погрозил кулаком, и разговорчики прекратились. Ольга виртуозно танцевала нечто в ритме румбы – все остальные (включая балетмейстера) повторяли ее

импровизации.

В дверях зала меж тем возник высокий господин с густой сидящей шевелюрой. На нем было роскошное кожаное пальто, и весь его облик выражал нетерпение. Он не издал, однако, ни звука, надеясь, очевидно, что на него обратят внимание. И, разумеется, визитера заметили, но реакции на его появление не последовало.

Отплясывая румбу, красотка Ольга сделала фуэтэ, затем встала на «мостик», перевернулась на руках через голову и продолжила танец. Концы ее красной ленты трепетали, как мотыльки. Танцоры (кто как мог) повторили ее пассажи. А высокий господин в дверях насмешливо произнес:

– Пижонка дешевая.

– Не дешевая вовсе, – танцуя, возразила девушка.

Балетмейстер с фигурой штангиста тем временем взял со скамьи пульт и выключил музыку.

– Перерыв! – объявил он. – Пока я поговорю с Большим Боссом.

Господин в дверях помахал рукой.

– Общий привет!

Ему нестройно ответили, рассаживаясь на скамье. Командор, обтерев лицо полотенцем, шагнул к двери, но дорогу ему заступила юная особа с черными стриженными волосами и глазами, синими как небо. Несмотря на внушительный для девушки рост, выглядела она школьницей.

– Как я сегодня? – негромко поинтересовалась она.

Со скамьи отозвался остроносый парень с волосами, стянутыми в хвост:

– Великолепно! Алина, ты супер!

– Умолкни! – огрызнулась Алина.

– Он не может: у него недержание, – вмешался парень постарше, повыше ростом и посимпатичней. Сидя на скамье он заботливо массировал колено.

Синеглазая Алина не сводила взгляда с командора-балетмейстера.

– Ответишь или нет?

Командор потрепал ее по плечу.

– Нужно четче и быстрее. Как Ольга.

Красотка с красной лентой просияла.

– Ой, дождалась! В кои-то веки!

– Олька, – сказал командор, – я тебя обожаю.

Лицо Ольги вдруг померкло.

– Между прочим, Сергей Петрович, – заметила она, – фу-эте у вас позорное. Смотреть конфузно.

Командор вздохнул.

– Не позорное допустим... Но поработать есть над чем.

Визитер в дверях не выдержал:

– Сергей Петрович! Не соблаговолите ли уделить мне толику драгоценного своего времени?

– Соблаговолю. – Командор направился к двери.

Ольга бросила ему вдогонку:

– И жирок, между прочим, неплохо бы согнать! Чтoб

не слишком колыхался!

– Высказалась, да?! – зазвенел голосок Алины.

– Алька, ты что? – буркнула Ольга. – Я ж на юморе.

Командор и господин в кожаном пальто вышли, прикрыв дверь.

Перед репетиционным залом располагался холл с пятью журнальными столиками и креслами возле каждого. На стенах висели репродукции картин Левитана. Непритязательная обстановка для отдыха. Устроившись в одном из кресел, командор сделал приглашающий жест. Господин в кожанке качнул головой.

– Давай на ходу. Куча дел.

Командор произнес:

– Валька, сядь.

Визитер взъерошил свою седеющую шевелюру, чуть помедлил и сел.

– Сереж, – сказал он, – я должен прояснить два пункта.

– Чисто конкретных? – улыбнулся Сергей.

– Более чем.

– Тогда вперед, Валька. Не ходи кругами.

Валентин поправил галстук, со вкусом подобранный к цвету сорочки.

– Первое – сроки, – вздохнул он. – Нынче третье апреля. В конце мая премьеры, в июне гастрولي...

– По-твоему, у меня с головой плохо? – нахмурился Сер-

гей. – Скажи мне что-то, чего я не знаю.

Валентин расстегнул пальто.

– Время поджигает, Сереж, а у тебя труппа еще не укомплектована...

– Валя, это истерика? Расслабься на Канарах.

– Расслабишься тут. По-человечески ответить можешь?

Сергей расправил в кресле плечи штангиста.

– Отвечаю. Не далее как в четверг, завтра то есть, Миша Ласкин приведет две пары из «Спортивных танцев»...

– Для сцены бала? – уточнил Валентин.

– Нет, для похода в зоопарк.

– Может, одной пары хватит?

– Валентин Николаевич, как говорится, торговля тут не уместна. А послезавтра, в пятницу, братья Жилины представят нам двух парней из «Народного танца» на роли охранников. Надеюсь, они подойдут, поскольку сценки у них несложные. Словом, к концу недели у нас будет полный комплект. А что касается сроков...

– Сереж, мать твою, их же надо еще ввести в спектакль!

– А что касается сроков и всего прочего, Валька, иди в задницу. Я уложусь с запасом, и ты прекрасно это знаешь. – Сергей привстал, косясь на дверь зала. – Что-то там подозрительно тихо. Пойду отрабатывать твои деньги.

Валентин взъерошил свою шевелюру.

– Щас в лоб дам. Сядь. Вопрос второй.

Сергей присел с усмешкой.

– Ты, вроде, спешил, Большой Босс. Давай короче.

Валентин набрал в грудь воздуха.

– Насчет субботнего пожара. К тебе сейчас подойдет мент, он проводит там осмотр...

– Вот сам с ним и цацкайся, – жестко оборвал Сергей. – Затея с прокуратурой – проявление твоего природного крестинизма, ничего более.

Валентин вскочил с кресла.

– Слушай, я не желаю рисковать на зарубежных гастролях, дожидаясь...

– Не нагоняй изжогу.

– ... пока некая падла устроит нам диверсию! Прости, я не искатель приключений!

– Ты параноик. Со студенческой скамьи.

– Знаешь, Макаров, паранойя – лишь адекватная реакция на окружающий мир! Уж поверь!

Хмыкнув, Сергей также поднялся.

– Кто сказал, что это поджог? А коли и так, где гарантия, что они вычислят поджигателя?

Валентин раздраженно застегнул пальто.

– Не вычислят, так хоть нервы этой падле потрепят. Впредь остережется пакостить.

Сергей произнес голосом доброго доктора:

– Мой хороший, а вдруг выяснится, что наши мальчишки-девочки просто сигаретку не погасили? В чем я лично уверен.

– Тогда, золотко мое, – повысил голос Валентин, – они так схлопочут, что наступит прояснение в мозгах! Оплачивать ваше раздолбайство...

Оборвав фразу, он уставился на приоткрытую дверь в коридорчик, откуда слышались шаги. Сергей взглянул туда же. В холл вошел хмурый мужчина в милицейском плаще и с папкой под мышкой. Он был невысок и при том еще сутулил плечи.

– Осмотрел, – сообщил он сходу. – Можно запирать помещение.

Валентин окинул его недовольным взглядом.

– Долговато возились.

Милиционер ответил взглядом исподлобья.

– А по-вашему, сколько возиться надо?

Валентин сбавил тон:

– Нашли что-нибудь?

– Пока не знаю.

– А кто знает?

– Следствие покажет, – уклончиво буркнул милиционер. – Вдаваться в детали я пока не буду.

– И все же я надеюсь... – В кармане Валентина зазвонил сотовый телефон. Глянув на часы, Валентин отозвался: – Как там, Галина Александровна? Собрались уже?.. И Свиридов?.. Предложите им чай-кофе. Буду минут через десять. – Он отключился и, обращаясь к милиционеру, продолжил прерванную реплику: – Надеюсь на вашу эффективность.

– Как получится, – отозвался хмурый служитель закона. – Там все так затоптали – черт не разберет.

Валентин просительно глянул на Сергея.

– Окажи содействие. Капитан Хомяков, Сергей Макаров – худрук, – представил он. – Я убегая, но все под контролем. – И действительно убежал.

Капитан Хомяков присел в кресло, достал из папки блокнот с авторучкой и выложил на журнальный столик. Сергей тем временем заглянул в зал. Красотка Ольга мастерски травила анекдоты, и сидящие на скамье танцоры от смеха надрывали животы. Милиционер за спиной Сергея проворчал:

– Присаживайтесь. Разговор наш может затянуться.

– Не думаю. – Сергей прикрыл дверь зала. – У меня, простите, нет времени на долгие разговоры.

– Во, блин, дает! – вспыхнул капитан Хомяков. – Желаете стоять – стойте! Не я это дело раздул! По мне, шли бы вы со своим пожаром знаете куда... Цирк просто!

– Ваша правда, – кивнул Сергей.

Милиционер впервые взглянул на него с интересом.

– Ну и что делать будем?

Сергей пожал плечами.

– Задавайте вопросы.

– Так-то лучше. – Капитан Хомяков извлек из блокнота сложенный вчетверо бумажный лист, развернул и провел авторучкой по списку напечатанных фамилий. – Вы Макаров

Сергей Петрович, режиссер-балетмейстер, так?

– Ага, – невозмутимо подтвердил Сергей.

Хомяков покосился на него с любопытством.

– Сами тоже танцуете?

– Есть такой грех. А что?

– Комплекция у вас, вроде, не та. Борцовская, скорее.

Сергей пригладил всклоченные волосы.

– Будем обсуждать мою комплекцию?

– Не обязательно. – Хомяков ткнул в его сторону авторучкой. – А вот на лице у вас, возле уха, красное пятно. И на правом запястье тоже. Следы от ожогов?

– Я думал, незаметно.

– Почти незаметно, Сергей Петрович. Удачно вы отделались. И декорации при том не слишком пострадали.

Сергей посмотрел на него в упор.

– Продолжайте.

– Что продолжать-то? Вы представляете, какая картина в голове рисуется?

– В вашей голове – представляю.

Хомяков дернул сутулыми плечами.

– Ну, блин! Не нравится моя голова – сами разбирайтесь, балеруны!

– Дельная мысль. – Сергей взялся за ручку двери.

Осознав, что перегнул, капитан Хомяков метнулся наперехват.

– Сразу обижаться, да? – придержал он Сергея за локоть. –

Я лишь намекнул на одну из возможных версий.

– Я не обиделся. – Сергей высвободил локоть. – Но мне работать надо.

– Ну да, а мне не надо! У меня тут список присутствующих в день пожара. И по этому списку я должен...

– Простите, как ваше имя-отчество?

– Виталий Павлович. Раз уж эта пурга поднялась, давайте без нервов сядем и...

– Нет, Виталий Павлович, сделаем по-другому. Я продолжу репетицию, а вы пока побеседуйте с кем-то из списка – с тем, кого я сейчас выделяю. Все равно ведь вам нужно опросить всех, правильно?

– Да, желательно.

– Значит, я без помех займусь своим делом, а вы – своим. При том, как понимаете, я никуда от вас не денусь. Согласны?

Милиционер с балетмейстером стояли в дверях зала, и заинтригованная труппа таращила на них глаза.

Капитан Хомяков почесал лоб.

– В принципе, логично.

Вздыхнув с облегчением, Сергей скомандовал:

– Ольга, на выход! Помогите следствию!

Красотка с красной лентой по-военному отдала честь и под смешки коллег направилась к двери. Походка ее сама по себе была танцем. Приблизясь к милиционеру, девушка театрально прошептала:

– Пойдем, озорник! – И, толкнув его плечиком, проследовала к ближайшему креслу.

Несколько ошарашенный капитан Хомяков потопал за ней. Смех труппы, хорошо знакомой с Ольгиными фокусами, заглушен был ритмичной музыкой.

Ольга вольготно расположилась в кресле возле милиционерского блокнота.

– Закройте дверь, пожалуйста, – попросила она.

– Зачем? – нахмурился Хомяков.

Ресницы Ольги затрепетали.

– Я доверю вам свои тайны.

– А посерьезней нельзя? – Хомяков вернулся к двери.

Разбившись на две шеренги, в которых оказался и худрук Макаров, танцоры копировали движения остроносого парня с волосами, стянутыми в хвост.

Парень выделял коленца – просто мать честная. Затем подпрыгнул, изогнулся кошкой и встал на руки. Оттолкнулся от пола, изогнулся и очутился на ногах. Все танцоры повторили его трюк. В том числе и здоровяк-балетмейстер, чтоб его...

– В соляной столб превратились? – подала голос Ольга.

Капитан Хомяков пробормотал:

– Что это, блин, такое?

– Фокстрот. – Ольга сидела, положив ногу на ногу. – Неплохо бы разбираться в вашем возрасте.

– Я не про музыку. Что они танцуют?

– Ничего. Обычный макаровский тренаж. Либо вы меня допрашиваете, либо я возвращаюсь в трудовой коллектив.

Прикрыв дверь, Хомяков плюхнулся в кресло и взял со столика список лиц, присутствующих в театре в день пожара.

– Так, значит... вы Ольга. А фамилия?

– Сперва сами представьтесь, полковник.

– Капитан всего лишь. Хомяков.

– О кей, сойдет и капитан. – Ольга томно потянулась в кресле. – Звать-то вас как, шалунишка?

– Виталий Павлович. Посерьезней давайте: мы здесь не в бирюльки...

– Буду звать вас Виталиком.

– Лучше Виталием Павловичем.

– В моей голове отчества не держатся.

Хомяков нахмурил брови.

– С вами не соскучишься. Как все-таки ваша фамилия?

Девушка вздохнула.

– Насколько мне известно, в этом театре лишь одна Ольга. – Она указала ноготком на лист в руке капитана. – Проанализируйте информацию.

Уткнувшись в список, Хомяков смущенно пробормотал:

– Так, значит... Круглова Ольга Николаевна.

– Гениально! Виталик, у вас интеллект полковника.

Хомяков стиснул зубы.

– Вы меня достали.

– Уже? – удивилась Ольга. – Ведь я только разминаюсь.

Хомяков шмякнул милицейскую фуражку на столик.

– Круглова Ольга Николаевна! Согласны вы отвечать на вопросы или вызвать вас к следователю с повесткой?!

Ольга сделала большие глаза.

– А вы разве не следователь?

– Следователь сидит в прокуратуре. Хотите туда?

– Дайте-ка подумать, – наморщила лоб девушка. – Приличный хоть мужик?

– Следователь – Евгений Борисович Бах!.. – рявкнул капитан и тут же прикусил язык. Но было поздно.

– Бах? – изумленно повторила Ольга. И захлопала в ладоши. – Хочу к Баху, хочу к Баху! И к Моцарту! И к Берлиозу!

За дверью зала приглушенно звучал вальс.

Хомяков расстегнул пуговку на взмокшем воротничке.

– Что мне с вами делать? – тихо возопил он.

– Хороший вопрос, – кивнула Ольга. – Многие на нем сыпались. О'кей, буду паинькой. Только не сутультесь.

Капитан воззрился на нее недоверчиво.

– Можете вести себя нормально?

– Запросто. Не сутультесь, говорю!

Хомяков распрямил плечи.

– Меня интересует ваш худрук Макаров. Как профессионал и как личность.

Ольга сощурилась, как тигрица.

– Что, конкретно, вас интересует? В каком ключе?

– Да так... – Капитан осторожно подбирал слова. – Чего он добивается в жизни? Вот сейчас, к примеру, вы что-то репетируете... какой-то балет, да? Насколько для него это важно? Если, допустим, балет не соберет денег...

– Ах вот оно что! Какая скучища! – Ольга улыбнулась, но глаза ее продолжали щуриться. – А я вас не интересую? Как профессионал и как личность.

– В смысле? – опешил Хомяков.

Ольга поднялась, расправила на себе обтягивающее трико и сделала оборот на пятке.

– Оцените, Виталик: хороша девочка? Вам нравится моя грудь? – Она приподняла ладонями свои рельефные выпуклости. – Без лифчика, между прочим. И никакой хирургии.

Красный как рак Хомяков уставился в пол.

– Слушайте, что вы за человек?

– Еще один хороший вопрос. – Ольга опустилась в кресло, задрав ноги на подлокотник. – Продолжим разговор. Обещаю не ерничать.

Глубоко вздохнув, капитан милиции взял со стола блокнот с авторучкой.

– Короче, Ольга Николаевна...

– Просто Оля. И давай на «ты».

– Давай, – неожиданно для себя согласился Хомяков.

Ольга протянула ему руку.

– Друзья?

Перегнувшись через столик, Хомяков ее руку пожал.

– До гроба.

Они рассмеялись.

– Ну так вот, – сказала Ольга, – если ты подозреваешь, что Макаров устроил поджог сам – у тебя не в порядке с головой.

Хомяков собрался вспылить, но вовремя вспомнил, что они друзья.

– Да какие подозрения, Оль. Просто я обязан отработать версию...

– Виталик, я не дура. Варианта здесь лишь два: кто-то поджег или кто-то не погасил окурок. И оба они маловероятны. Однако...

– погоди, – перебил Хомяков. – Разве танцоры курят?

Ольга вздохнула.

– Некоторые. Я, например.

– Ну и зря. Ладно... Почему вы курите в помещении, где хранятся декорации? Что за идиотизм?

– Не идиотизм, а суровая необходимость. Здесь, – Ольга окинула взглядом холл, – Макаров курить запрещает. Табачный дым, дескать, просочится в зал...

– Он прав, – ввернул Хомяков.

– Он всегда прав, черт его дери. Но что нам остается? Лестничные пролеты и закутки? Разумеется, мы идем в «дебри».

– Куда-а?

– В «дебри». Так мы называем кладовую, где хранятся наши фанерные чудеса. Там уютно и есть где спрятаться.

– Прятаться-то зачем?

– Чтобы за сигареткой посекретничать, Виталик. А ты что подумал?

– Я подумал: если б вы не секретничали, у вас и у меня было бы меньше проблем.

Помедлив, Ольга пробормотала:

– До сих пор как-то обходилось.

Хомяков назидательно поднял палец.

– До поры до времени, Оля, многое сходит с рук. Пожар погасили Макаров и вахтер, так? Как удачно они оказались рядом!

– Ну и что?! – взвилась Ольга. – Заладил, как дятел!

Хомяков миролюбиво выставил ладонь.

– Конечно, я не Эркюль Пуаро, я простой мент. Вопросы неприятные задаю, отыскать ниточку пытаюсь... А вы артисты – народ творческий, своеобразный. Мне велено действовать с вами дипломатично, а из меня дипломат, блин... сама понимаешь. Ответишь на вопросы – спасибо. Пошлешь меня подальше... Что я могу? Соли тебе на хвост насыпать? Либо я закрою это дело по-быстрому – и до свиданья, либо глаза вам тут буду мозолить. Оно вам надо, Оль?

Ольга пристально смотрела на капитана.

– А ты не прост, Виталик, – сказала она. – Ведь ты меня вербуешь.

Хомяков деловито черкнул в блокноте.

– Завербуешь тебя, как же. С такой грудью и без лифчика.

Ольга рассмеялась.

– О'кей, мы оба с тобой умные. Так заруби себе на носу: Макаров не поджигал. Дружеский мой совет: не трать время на эту версию.

Хомяков откинулся на спинку кресла.

– Почему не он?

– Во-первых, – Ольга покосилась на дверь зала, – у него нет мотива, который ты ему приписываешь. А во-вторых, если б поджег Макаров, то комар бы носа не подточил, все было бы по-другому. Твои подозрения – аргумент в его пользу.

Хомяков обдумал услышанное.

– Такой, значит, головастый? Не обижайся, Оль... не странно ли для танцора?

Ольга скривила губы.

– Он не танцор, он физик.

– Как это?

– А вот так. Закончил МИФИ с красным дипломом. Танцевать выучился, можно сказать, по книжкам. И теперь, ломая все каноны, прет как танк в мировые знаменитости. А мы за ним следом: кто не успел, тот опоздал.

Заинтригованный Хомяков отложил блокнот.

– Как ему это в башку влетело? Сменить физику на танцульки. Оль, не обижайся: мне нравится балет и все такое... Но в чем тут фишка?

Лицо Ольги вдруг помрачнело, будто осунулось.

– Это, Виталик, как в анекдоте, «грустная и длинная ис-

тория». Вспоминать никакой охоты.

Хомяков спешно отыграл назад.

– Не хочешь – не надо. – Он протянул лист с фамилиями. – Вот смотри: здесь те, кто был в театре в субботу. Никого не забыли?

Ольга отстраненно кивнула, теребя концы красной своей ленты. Взор ее, как говорится, устремлен был в никуда.

* * *

День рождения Валентина сложился на редкость удачно. Сентябрь в Москве стоял теплый и солнечный – типичное бабье лето. Родители при том рванули в отпуск, оставив сына хозяйничать в трехкомнатной квартире. Велели только сестру опекать и не позволять ей стоять на ушах. Валентин, разумеется, пообещал, хоть не позволить что-то двенадцатилетней Ольке, видит Бог, было непросто. Удачным совпадением оказалось и то, что день рождения выпал на субботу: гулять можно было допоздна, а в воскресенье отоспаться. Подготовился Валентин основательно, так как в группе поддержки у него состояли Серж Макаров и Дина Белых. Само собой, Олька тоже суежилась, но, несмотря на поднятый ею торнадо, к пяти часам стол был накрыт. А к шести собрались гости.

Валентин выглядел красавцем. Рост – метр восемьдесят пять, спортивные плечи при тонкой талии, выразительные карие глаза и густая шевелюра – словом, покоритель женщин в широком возрастном диапазоне. Сегодня ему стукнуло 22 года.

Столько же месяц назад исполнилось Сержу Макарову. Он был, что называется, крепко сбит, как борец или штангист, и явно уступал другу в красоте и росте. В простецкой его физиономии, однако, было нечто... неуловимая какая-то чертовщинка, заставлявшая всмотреться в него пристально.

Дина Белых, стройная миловидная блондинка, взирала на мир сквозь очки, которые очень ей шли и не скрывали умных глаз. И была Дина почти на год младше Валентина и Сержа.

Семиклассница Ольга внешностью не слишком походила на брата-именинника, но в девчачьи свои годы была безусловно хороша. Причем разоделась, как взрослая, используя косметику.

Еще на день рождения Валентина пришли кузен Гоша и школьный товарищ Эдик, оба с девушками. Ведя оживленные светские беседы, гости слонялись по комнатам. Пора было за стол, но команды не было. Вроде, кого-то еще ждали.

Кузен Гоша (на правах ближайшего родственника) пригрозил, что начнет воровать жратву. На именинника угроза эта впечатления не произвела, но Серж Макаров внес предложение:

– Не выпить ли предварительно?

– Перебьешься, – ответил Валентин. – Придет Катя, тогда и начнем.

– Во-первых, – возразил Сергей, – таинственная твоя Катя уже опаздывает на полчаса, что говорит о ее невоспитан-

ности. А во-вторых, выпьем мы не за тебя, а за окончание института: прощай родной МИФИ! Тост для разминки.

Общество одобрительно загалдело. Весомых возражений именинник не придумал, и всем налили: кому – водку, кому – вино. Ольга протянула брату бокал.

– А мне?

– Может, не стоит? – неуверенно произнес Валентин. Но, поймав испепеляющий взгляд сестры, потянулся за бутылкой «саперави». – Ладно уж, десять капель.

Сергей отобрал у него бутылку.

– Обойдется. «Пепси» выпьет.

Ольга притопнула туфелькой.

– Хочу вина!

– Макаров, брось, – заступилась Дина. – Немного сухого ей даже полезно.

Сергей кивнул.

– Угу, от стронция. – И наполнил Ольгин бокал пепси-колой. – За окончание школярства, коллеги!

Все выпили и деликатно закусили, не нарушив кулинарного дизайна. Лишь Ольга в досаде сжимала бокал с темной газировкой.

– О'кей! – заявила она. – Налью себе сама!

Сергей покачал вихрастой головой.

– Ни-ни. Если хочешь, чтобы я когда-нибудь на тебе женился.

Все рассмеялись.

Ольга покраснела.

– Нужен ты мне! Подарочек! – Она залпом выпила «пепси».

– Умница, – похвалил Сергей. – Иними эти клипсы. Они тебе не идут.

Кто-то опять хихикнул. Ольга задохнулась от возмущения.

– Слушай Макаров!.. Не нравится – не смотри!

Подмигнув другу, Валентин заступился за сестру:

– Вот именно: не смотри и баста.

– Возразить трудно, – кивнул Сергей и громко объявил: – Тайнственная Катя опаздывает на сорок минут!

Глядя на вихрастый его затылок, Ольге хотелось запустить в него чем-то тяжелым. Девочка прокралась в родительскую спальню, сдернула с ушей клипсы и швырнула их в мамину тумбочку. Затем также украдкой вернулась обратно.

Гости, косясь на блюда со снедью, вяло вели треп. Брат развлекал их, как мог. Макаров и Дина Белых исчезли, что встревожило Ольгу ни на шутку. Недолгие поиски привели ее на кухню, дверь которой была прикрыта. Из-за двери доносились голоса исчезнувшей парочки. С колотящимся сердцем девочка принялась подслушивать.

– Не надо мне врать, – произнес голос Дины. – Скажи, у них что-то серьезное? Сереж, я с третьего курса за ним бегаю...

– Ну и зря, – перебил голос Сержа. – Сколько тебе твер-

жу: пусть Валька за тобой побеждает. Лучше тебя все равно не найдет. Вы идеальная пара.

– Брось Макаров: меня бы он и десяти минут не ждал. Кто она хоть такая? Колись, Макаров.

– Ей-богу, Дин, понятия не имею. Мне известно не больше твоего...

С облегчением переведя дух, Ольга наступила на скрипучую паркетину. Дверь мигом распахнулась. Из-за широкой спины Макарова поблескивали очки Дины.

– Подслушивала?

Покраснев, Ольга ответила с вызовом:

– А что, нельзя?

Сергей улыбнулся.

– Раз клипсы сняла, можно. – Он втащил девочку на кухню. – Ты нам союзник или враг?

– Конечно, союзник! – заверила Ольга.

– Тогда выкладывай, кто такая эта Катя и с чем ее едят.

Польщенная доверием девочка затараторила:

– В глаза ее не видела. Знаю только, что она типа балерина. Недели две назад Валька с ней то ли в гастрономе, то ли в обувном...

Тут на пороге возник красавец-именинник с пасмурным лицом.

– Пора за стол. Больше ждать смысла не имеет.

– Догадался Штирлиц, – ввернула Оля, победоносно глянув на Сергея.

Меж тем затренькал дверной звонок. Валентин просиял.

– Ну вот! Как говорится, лучше поздно... – Он пошел открывать.

Дина устремилась было следом, но Сергей ее придержал.

– Спокуха. Ты королева бала, усекла?

Девушка меланхолично поправила очки.

– Жаль, никто об этом не знает.

Сергей взял ее за плечи.

– Кем бы эта Катя не была, ты ее подвинешь. Ольга, согласна?

– На все сто! – кивнула девочка.

Из прихожей донеслись оживленные голоса. Дина шагнула к двери, но Сергей ее вновь удержал.

– За тобой придут, не суетись.

И действительно перед ними опять явился именинник, на сей раз сияющий как самовар.

– Ну! Что вы здесь торчите, оглоеды?

– Анекдоты травим, – отрапортовал Сергей.

– Про Штирлица, – уточнила Ольга.

Валентин сделал приглашающий жест.

– Давайте за стол. – И поспешил в гостиную.

Трое заговорщиков проследовали за ним.

В гостиной кузен Гоша и школьный товарищ Эдик с подругами образовали каре, в центре которого стояла довольно высокая девушка лет восемнадцати. Густые черные волосы ниспадали ей на плечи, а глаза на ангельском лице бы-

ли синие-синие. Облегающее платье до колен подчеркивало точеную фигуру и потрясающие ноги, обутые в туфельки на шпильке. Впечатление девушка производила, что называется, убойное, и парни рефлекторно поправляли галстуки. Только Серж Макаров, явившийся в свитере и с воротом нараспашку, прореагировал, как чурбан.

– Так-так, – произнес он, держа руки в карманах, – та самая невоспитанная Катя. За это опоздание я бы с вами поспорил.

Возникла неловкая пауза.

Девушка очаровательно покраснела.

– Я объяснила Вале, извинилась...

– Слушай его больше! – Валентин приобнял ее за плечи. – Серж Макаров – профессиональный склочник. А это – Дина. Мои лучшие институтские друзья.

Катя обозначила реверанс.

– Много о вас слышала. А это, – девушка взглянула на Ольгу, – младшая сестра, да? Тебя Олей зовут? – Она изящно протянула руку. – Рада познакомиться.

Ольга протянула было руку в ответ, но услышала реплику Макарова:

– Почему, собственно, вы с ней на «ты»? Барышня она взрослая, уважения требует.

Ольга спрятала руку за спину.

– Насколько я помню, – обратилась она к Кате, – на брудершафт мы с вами не пили.

Кузен с подругой прыснули.

Катя смущенно пробормотала:

– Вижу, за меня тут взялись.

Именинник нахмурил брови.

– В лоб схлопочите! Оба!

Наклонившись, Сергей подставил темечко.

– От тебя стерплю.

Ольга встала с ним рядом и также подставила лоб.

– О'кей, – сказала она, – щелкни по-братски.

Все рассмеялись и сели наконец за стол.

И как-то само собой получилось, что Катя оказалась в фокусе общего внимания: застольные разговоры велись с учетом ее реакции. Даже подружки кузена Гоши и школьного товарища Эдика довольствовались ролями второго плана. Именинник был на седьмом небе. И смотрелись они с Катей, как на обложке журнала: сногшибательная молодая пара, словно созданная для покорения вершин.

Из присутствующих только Серж Макаров, сидящий между Ольгой и Диной, с подчеркнутой галантностью ухаживал за своими дамами и не упускал возможности поддеть новоявленную звезду. Когда, к примеру, Валентин с энтузиазмом завел разговор о балете «Бахчисарайский фонтан» в постановке Голейзовского и Катя посетовала, что спектакля, увы, не видела, только либретто читала, – Серж не преминул заметить:

– Нет худа без добра.

– Ты о чем? – Катя ждала уже от него пакости и, разумеется, дождалась.

– О том, что вы все же прочли либретто. – Местоимение «вы» Сергей подчеркнул особо. – Заодно и с Пушкиным познакомились. Конспективно.

– Ну, ты зануда! – улыбнулась слегка захмелевшая Катя.

– Возможно, – кивнул Серж. – ВАМ виднее.

Когда салаты и закуски понесли ощутимый урон, решено было сделать перерыв: кому перекурить, кому ноги размять, кому другое прочее. Сергея и Дину сестра именинника вновь отыскала на кухне. Дина выглядела потерянной.

– Не выпадай в осадок, – шепотом урезонивал ее Сергей. – Твои шансы зависят от тебя. Будешь корчить такие рожи...

– Макаров, иди в задницу! – огрызнулась Дина. – Против нее шансов у меня ноль. Разве что могу отступить с достоинством.

Сергей поправил на ней очки.

– Дурында и трусиха. Вот она бы не отступила, – кивнул он на стоявшую в дверях Ольгу.

– Факт, – с готовностью подтвердила девочка.

– Учись, – обратился Сергей к Дине. – Веди себя грамотно, друзья тебя не оставят. – Глаза его странно сверкнули. – Друзья помогут обязательно.

Это обещание почему-то Ольге не понравилось. Резко развернувшись, она устремилась в ванную и заперлась, чтобы собраться с мыслями. Девочка вдруг поняла, что с этой

субботы вся ее жизнь пойдет наперекосяк.

* * *

– Оля, очнись, – произнес капитан Хомяков. – Оставь свою ленту в покое и просмотри список.

Ольга взяла у него листок с фамилиями.

– О'кей, давай проверим. – Она принялась читать скороговоркой: – Сергей Петрович Макаров, угу. Валентин Николаевич Ляшенко... Стоп! Ляшенко – наш продюсер, в день пожара его не было.

– Знаю, – кивнул Хомяков. – Читай дальше.

Ольга забормотала, водя ноготком по списку.

– Михаил Зиновьевич Ласкин, угу. Петр Степанович Самойлов...

– Можно без отчеств, – ввернул капитан милиции.

Ольга погрозила ему кулаком.

– Еще разок перебеешь, сотрудничать не буду! – И вновь уткнулась в список. – Так значит... Петя Самойлов, супруги Елецкие – Саша и Лера, угу. Алинка и я, правильно. Колокололина Вера Максимовна, – это имя Ольга произнесла с брезгливостью. – Она, Виталик, не из наших.

– Какая, блин, разница? – отмахнулся Хомяков. – Главное, была она в субботу или не была.

– Была, но она не балерина, а художник по костюмам и декорациям. Имей в виду на всякий случай.

– Поимею. – Капитан сделал в блокноте пометку. – Кто еще?

– Леша Галахов. Точно как в аптеке.

– Никого не пропустили?

– Как сказать. Была тут одна милая дама. Как раз перед пожаром они с Макаровым бурно выясняли отношения. Причем именно в «дебрях», в гуще декораций.

Хомяков едва не подскочил в кресле.

– Откуда знаешь?

С кривой усмешкой Ольга теребила концы своей красной ленты.

– Не подглядывала, если ты об этом. Там такой ор стоял – дом содрогался.

– Интересный поворот! – Хомяков черкнул в блокноте. – Кто она такая, известно?

– Брошенная женщина, и этим все сказано. Пришла, милашка, отношения выяснять. От бурных ее чувств загореться могло без поджога.

– Без поджога, Оля, не по нашему ведомству. А балетмейстер ваш тоже орал?

Ольга хихикнула.

– Кто? Макаров? Сколько его знаю, он в любых ситуациях спокоен как удав. Если в процессе расследования, Виталик, ты выведешь его из себя, ставлю французский коньяк.

Хомяков покачал головой.

– Лучше водку: от коньяка уши потеют. Имени этой брошенной женщины не знаешь?

Ольга помедлила с ответом.

– Катя Митина. Екатерина Васильевна то есть.
Хомяков повел носом, как взявшая след борзая.

– Она тоже балерина?

– Екатерина Васильевна, – скривила губы Ольга, – владеет рестораном. Сдались ей наши танцульки.

Капитан возбужденно строчил в блокноте.

– Что за ресторан? Адресок дашь?

Ольга кивнула.

– Запросто. – Она продиктовала название ресторана и его адрес. – Если подсуетишься, – добавила она, – наверняка ее там сейчас застанешь.

Хомяков собрал бумаги в папку.

– Еще как подсуечусь. Спасибо.

Ольга поднялась.

– Всегда пожалуйста. Считай мы напарники.

Капитан направился к выходу.

– Ловлю на слове.

С улыбкой Джоконды Ольга вернулась в зал.

Танцоры с худруком отдыхали на скамье. Взоры обратились на вошедшую.

Остроносый парень с «хвостом» на затылке осведомился:

– Мент жив?

– Спроведила, – усмехнулась Ольга.

– Куда?

– На кудыкину гору.

Балетмейстер, подпирая стену плечом штангиста, негром-

ко заметил:

– Вряд ли мы отделались так легко.

Капитан Хомяков тем временем, щурясь под апрельским солнцем, осмотрелся на ступеньках театра.

Располагался этот театр балета в облезлом заводском ДК, отреставрированном частично, однако требующим еще немалых финансовых затрат.

У входа висел рисунок танцора с комичной рожицей, топчущего надпись «Театр «Балбес». Рисунок был выполнен тушью и прикрыт прозрачной пленкой: знай, мол, наших. В воздухе благоухала весна.

Хомяков достал сотовый телефон, набрал номер и бодро произнес:

– Салют, Евгений Борисович.

– О, какие люди! – отозвался следователь прокуратуры. – Нашел поджигателя?

– Ну, блин, вы даете! Пока все только запутывается.

Оптимизма в голосе следователя поубавилось.

– Шутишь? Я думал, ты там раз-два и...

– Евгений Борисович! Я осматривал место пожара через четыре дня...

– Знаю. Короче.

– Не перебивайте: у меня аккумулятор садится! – разозлился Хомяков. – На месте пожара через четыре дня, блин, я обнаруживаю паклю, смоченную бензином. Пакля завернута в обгоревший платок с вышитыми инициалами «С.М.»

Сечете фишку?

– Нет. Что за «С.М.»?

– Евгений Борисович, «С.М.» – наверняка Сергей Макаров. Наш славный покоритель огня. – Хомяков расправил сутулые плечи. – Теперь сечете? Балетмейстер, значит, поджег и сам же потушил, только платочек свой забыл прибрать. Такой вот лох замшелый. Похоже, кто-то хочет, чтобы мы так подумали.

Следователь пробормотал:

– Н-да, пирожок с хреном!

Прижимая к уху телефон, Хомяков шагал к своему латаному «фольксвагену».

– А вы говорите «раз-два». Ладно, я погнал это разматывать. Передайте благодарность Тюне.

Следователь вздохнул.

– И куда ж ты погнал?

– Из театра «Балбес» в ресторан «Ностальгия». – Капитан ОВД сел в машину.

– Зацепка появилась? – оживился следователь.

– Зацепка, не зацепка – на «раз, два» рассчитывать не стоит.

Отключившись, Хомяков завел мотор. Латаный «фольксваген» покатил по указанному Ольгой адресу.

Глава 2

Ресторан «Ностальгия» представлял собой одноэтажный домик, стилизованный под русскую избу, которая притулилась меж многоквартирных башен. Кого-то, возможно, подобное соседство впечатляло. Ресторан состоял из трех компактных помещений: общий зал (на дюжину столиков), банкетный зал (человек на тридцать) и отдельный кабинет (на шесть персон). Время было обеденное, и общий зал был заполнен на три четверти. Невеликое это хозяйство, надо заметить, требовало изрядных усилий на свое поддержание.

Кабинет директора пропорционально всему заведению также был невелик: стол с компьютером, сейф, рабочее кресло, и два стула напротив. Сама директор, строгая бизнесвумен, урезонивала всхлипывающую официантку:

- Держись в рамках, Наталья. Умерь свою агрессивность.
- Ну да, умерь... Этот гoblin хамил и руки распускал!
- Как именно он хамил? Воспроизведи.

Официантка вновь всхлипнула. Смазливая блондиночка лет двадцати, она теребила свой кружевной фартук.

– Ну-у, он это... сперва чмокал губами. Чмокал да чмокал! А потом выдал: «Ягодка, можно тебя на десерт?» И начал сотнягу мне в лифчик совать, хореk плешивый!

Директор прошлась по кабинету. У нее были густые черные волосы до плеч и лучистые синие глаза. Чувственные

губы едва заметно улыбались, придавая лицу ее слегка загадочное выражение. Роста она была выше среднего, и лиловое платье до колен, облегая точеную фигуру, подчеркивало стройность ее ног, обутых в туфли на шпильке. Миловидная официантка рядом с директрисой выглядела, как одуванчик в сравнении с орхидеей. Притом «орхидея» улаживала конфликт.

– Хочешь сказать, – хмурилась она, – что твоя истерика была выходом из положения?

Официантка дернула плечиком.

– По-вашему, надо было терпеть?! Пускай меня лапают, да?!

Директор покачала головой.

– Терпеть ты вовсе не должна...

– Катерина Васильевна, слушайте ее больше! – пробасил двухметровый детина, распахнув дверь. Его джинсовый костюм буквально трещал от мышц, а мальчишеская физиономия пылала негодованием. – Чувак был датый, но безобидный! Стихи ей читал! Все под контролем было!

Официантка метнула на парня взгляд из-под ресниц.

– В гробу видала я стихи! Буду я тут уши развешивать!

– А то! – подхватил парень. – Льешь минералку ему на лысину и довольна!

Директор строго на него взглянула.

– С тобой, Захар, поговорю отдельно. Исчезни.

– Зла на нее не хватает! – Охранник прикрыл за собой

дверь.

Прекратив всхлипывать, официантка лишь теребила фар-
тук. Директор прохаживалась по кабинету.

– Возможности, Наталья, у тебя две, – произнесла она. –
Либо держать с клиентом дистанцию, либо...

– Ой, Катерина Васильевна! Удержишь такого павиана,
как же! «Ягодка, можно тебя на десерт!»

– Либо, – невозмутимо закончила директор, – обратитель-
ся к Захару. Не поднимая шума, разумеется. А что сотвори-
ла ты?

Официантка вздернула острый подбородочек.

– Не выношу козлов! И потакать им не собираюсь!

Директор вздохнула.

– Вполне с тобой солидарна. Хочешь уволиться?

Осознав, что перегнула палку, официантка заканючила:

– Просто нервы не выдерживают, Катерина Васильевна!

Конечно, я не права...

В дверь вновь заглянул охранник.

– Катерина Васильевна, тут...

– Захар! – прикрикнула директор. – Я сказала: с тобой –
потом!

Охранник нимало не смутился.

– Тут к вам из милиции. Удостоверение предъявил: капи-
тан Хомяков. Говорит, срочно: что-то по театру «Балбес».
Примите?

Директор замерла. Охранник и официантка взирали

на нее с любопытством. Повисло молчание.

– Из милиции? – тихо переспросила директор.

– Катерина Васильевна, может, вам воды? – засуеилась официантка.

Директор перевела дух.

– Иди, Наталья. Хорошо подумай.

– Примите? – повторил вопрос охранник.

– Да, Захар. Пригласи.

Но капитан Хомяков приглашения не дожидался. Нырнув под мышку охраннику, он оказался в кабинете. На фоне двухметрового Захара сутулый милиционер выглядел пигмеем.

– Крутой у вас заслон! – хмыкнул он, переводя взгляд с официантки на директрису. Рот Хомякова невольно открылся. «Брошенная женщина, ни фиги себе!» – мелькнуло у него в голове. Версию, однако, следовало отработать. – Екатерина Васильевна, могу я задать вам несколько вопросов?

Директор заметно напряглась.

– О чем?

– Насчет театра «Балбес». Знаете такой? – Поскольку дама не ответила, Хомяков предложил: – Не отпустить ли вам сотрудников? Много времени у вас я не отниму.

Директор словно очнулась.

– Да-да, разумеется... – Она опустила в рабочее кресло. – Захар, никого ко мне не пускай.

Охранник и официантка вышли, сгорая от любопытства.

Капитан Хомяков, придвинув стул к столу, присел и выложил из папки блокнот с авторучкой.

– Звать меня Виталий Павлович, – представился он. – Можно просто Виталий.

– Что там случилось? Не тяните! – нервно проговорила директор ресторана. Вправду ли она так обеспокоена или умело изображала тревогу, предстояло выяснить.

В тридцать своих лет Виталий был ментом тертым и, не взирая на ослепительную красоту подозреваемой, повел себя жестко.

– Что случилось? – переспросил он, листая блокнот. – Да так, пустячок. Пожар в декорациях, у балетмейстера ожоги... А вы как бы не в курсе, да?

Побелев как полотно, женщина приподнялась в кресле.

– Что с ним?.. Где он?.. – Казалось, она сейчас хлопнется в обморок. Неужели игра?

Хомякову стало не по себе.

– Обошлось, Екатерина Васильевна. Пожар потушили, ожоги пустячные, и все отплясывают... Вы правда не знали?

– Откуда? – Синие глаза набухли слезами. – Разве мне что-нибудь говорят? Велика для меня честь. Когда это произошло?

Хомяков смотрел на нее пристально.

– В субботу. Как раз после вашего ухода.

Эта многозначительность и милицейский взгляд на нее

не подействовали. Рука женщины потянулась к телефону.

– Извините, я должна выяснить...

Капитан отобрал трубку.

– Позже. Сперва я кое-что выясню у вас. Мое время тоже не резиновое, так что давайте...

– Подозреваете поджог? – прервала его директор ресторана.

Хомяков вновь впился в нее взглядом.

– Почему вы так решили?

Она грустно усмехнулась.

– Если уж вы почтили меня визитом... Я умею сложить два и два. Виталий Павлович, у него правда ожоги пустячные?

– Такими вещами я не шучу, – нахмурился Виталий.

– Простите, а кто вас навел? То есть... кто посоветовал побеседовать именно со мной?

– Давайте, Екатерина Васильевна, сыграем в такую игру: вопросы задаю я. Ладно?

Она пожала плечами.

– Спрашивайте.

Хомяков ткнул авторучкой в страничку блокнота.

– Давно вы знакомы с Макаровым Сергеем Павловичем?

Глаза ее вдруг вспыхнули гневом.

– Зачем вам это?! Никакого отношения к пожару в театре...

– Екатерина Васильевна, – интонация Хомякова давала

понять, что милицейское терпение имеет предел, – вы забыли, в какую игру мы играем? Повторяю вопрос: как давно знакомы вы с Макаровым?

Поднявшись, она прошла по кабинету и остановилась у окна спиной к Хомякову.

– Девятнадцать лет, – безжизненно прозвучал ее голос.

* * *

На том дне рождения Катя слегка напилась. Совсем чуть-чуть. Именинник Валька был на высоте – красивый, умный, галантный – мечта любой девчонки. И друзья у него оказались замечательные. За исключением Сержа Макарова – пижона и наглеца, подкалывавшего Катю своими шпильками. Простите, разве балерины читают книжки? Неужели читают? Тяжело, небось, бедняжкам? Уж арифметику-то, надеюсь, им знать не обязательно?.. И глаза при том как у плута, и волосы торчат клоками. Самодовольный надутый тип! Ей-то, Кате плевать: встретились да разбежались. Но Валькину сестру жаль. Двенадцать лет соплячке, а втрескалась в этого Сержа, сразу видно, по уши. Подпала под его влияние – имея такого брата!

– Кем станешь, когда закончишь школу? – поинтересовалась Катя.

Ольга солидно ответила:

– Уборщицей в платном туалете.

Все рассмеялись. Хихикнула и Катя: вот же язва мелкая! Серьезным остался лишь Макаров. Профессор этакий.

– Врачом она будет – заявил он. – Просто первоклассным.
Девочка оглянулась на него.

– Еще подумаю.

– Вопрос решенный, – сказал Серж. – Дебаты закончены.
Ольга влюбленно показала ему язык. Что нашла она

в этом... в этом толстокожем...

Катя улыбнулась Валентину.

– А ты здесь голос имеешь?

Валентин улыбнулся в ответ.

– В принципе, да. Но я, как английский мальчик из анекдота: до девяти лет он безмолвствовал, и его считали немым. Но однажды, встав из-за стола, мальчик сказал: «Бифштекс пережарен». Родители кинулись его обнимать: «Ты умеешь говорить, Джонни! Почему же ты молчал все эти годы?» – «До сих пор, – ответил мальчик, – все было в порядке». – Дождавшись пока стихнет смех, Валентин заключил: – Так и я: молчу, пока все в порядке.

– Молодчина, – съехидничала сестра и обратилась к Кате: – Между прочим, я художественной гимнастикой занималась. Это покруче вашего балета.

Валентин фыркнул.

– Полгода как бросила, хвастунья.

Серж Макаров прожевал соленый грибок.

– Бросила, не бросила – важен подход. – Ухмылочка на его лице была гнуснейшей. – Нелепо отрицать, что художественная гимнастика зрелищней балета. По крайней мере, в клас-

сических его формах.

Катю обуял гнев.

– Ты хоть знаешь эти формы?! Ты хоть видел что-нибудь, кроме «Лебединого озера», да и то по ящику?!

– Достаточно и этого, – заявил гнусный Серж. – Я пользуюсь методом индукции. Детали создают общую картину. Скажи, Оль.

– Факт. – Соплячка уставилась на Катю. – Спорим, я сделаю сальто с упором на руки! А вы не сможете, спорим!

Раздались поощрительные хлопки. Их пикировка, похоже, всех забавляла. Катя осушила бокал с вином.

– Оль, ты видишь, – кивнула она на Сержа, – он же нас стравливает. Не поддавайся. – Девушка плеснула себе вина. – Знаешь, Оль... давай выпьем на брудершафт и будем на «ты».

Чуть подумав, Ольга уточнила:

– Пепси-колой сойдет? – И добавила: – В общем-то, я польщена.

– Язва ты, – улыбнулась Катя.

Они переплели руки, выпили и поцеловались. Публика зааплодировала. И Ольга мило поинтересовалась:

– Сальто делать будем? Или струсила?

Катя плеснула себе еще вина.

– Запросто, – тряхнула она волосами. – Гулять так гулять.

Макаров отобрал у нее бокал.

– На сегодня, думаю, достаточно.

– Отдай! – сверкнула глазами Катя. – Мне уже восемнадцать... в январе будет! Что ты себе позволяешь?!

Валентин осуждающе глянул на друга.

– Макаров, прекрати. Это тебе не Олька.

Сергей со вздохом ответил:

– Хочешь увидеть сальто назад с опорой на руки? Не сегодня, ладно?

– А почему бы и нет? – подзадорил кузен Гоша и нашел поддержку в обществе.

– Подумаешь, делов! – буркнула Ольга.

– Ну-ну, не расходишь, – мягко осадила ее Дина Белых, сокурсница Валентина.

Она понравилась Кате с первого взгляда. И в импульсивном порыве девушка предложила:

– Выпьем на брудершафт.

Отреагировать Дина не успела: ее заслонил Серж Макаров. Присев перед Катей на корточки, он сказал:

– Извините, я был натуральной свиньей. Черт меня дери.

Катя взглянула на него с подозрением.

– Тогда можно, я съезжу тебе по морде?

Макаров покачал головой.

– Так далеко мое раскаянье не заходит. Но больше не буду, честно.

Боже, какая улыбка у этого типа!

– Ну тогда... тогда, – вздохнула Катя, – давай выпьем на брудершафт.

Он вновь покачал головой.

– Не могу.

– Почему?

– Слишком большая ответственность.

Подумав, Катя уточнила:

– А на «ты» перейти можем?

Он встал с корточек.

– С одним условием.

– С каким?

– Ничего, кроме «пепси», вы сегодня не пьете.

– Я в порядке, – обиделась Катя. – Прекрати на меня давить.

Ольга хмыкнула. А брат ее, именинник, пробормотал:

– Макаров, ты прямо как клещ.

Сергей поднял руки.

– Ну да, вы свободные люди. Однако и я свободен обращаться к вам на «вы». Разве не так?

– Ладно, – согласилась вдруг Катя, – буду пить «пепси».

Других условий нет?

Макаров пожал ей руку.

– Мы на «ты». Поздравляю. Могу выдать сертификат.

Нет, каков гусь! Катя собралась было остроумно его отбрить, но подруги кузена Гоши и школьного товарища Эдика предложили покончить с застольем и потанцевать. Эту инициативу встретили с энтузиазмом. Валентин по-хозяйски обнял Катю за талию.

– Первые пять танцев мои.

– С удовольствием, – ответила Катя.

Проходя мимо с горкой тарелок, Серж Макаров обронил:

– Записываюсь на шестой танец. Можно?

Катя окинула его взглядом.

– Ноги мне не отдавишь?

Серж обернулся в дверях. Стопа тарелок покачнулась.

– Осторожней! – невольно вскрикнула Катя.

– Ах ты балетная фифочка! – отозвался этот пижон. – Да будет тебе известно: я лучший в мире танцор.

Катя прыснула.

– Неужели? Посмотрим, на что ты способен.

– Гораздо любопытней, – парировал Макаров, – на что способна ты. – И вышел, балансируя тарелками.

Катя подняла взгляд на Валентина.

– Он правда хорошо танцует?

Именинник пожал плечами.

– Понятия не имею. Знаю Макарова с первого курса, но... Если он вообще танцует хоть как-то, для меня это сюрприз. – Валентин хотел поцеловать Катю, но та уклонилась.

– Он просто увалень, да?

– Да нет, спортом с детства занимается: гимнастикой, бегом...

Тут Серж вернулся за новой партией грязной посуды.

– При чем здесь спорт, Валя? – встрял он в разговор. – Танец – это образ мыслей, выраженный в пластике. Правда,

Кать? – Собирая посуду со стола, он крикнул: – Эй, специалисты! Где вы?!

На зов явилась Ольга с Диной и стали ему помогать. Валентин заволновался:

– Брось, Макаров. Потом уберем.

Сергей покосился на Ольгу.

– Голова у твоего братца в порядке?

– Сомневаюсь, – фыркнула девочка.

Валентин тарасился на них в недоумении.

– Почему нельзя потом?

На сей раз Макаров обратился к Дине:

– Растолкуй блаженному законы мироздания.

Собирая остатки закусок в салатницу, Дина мягко произнесла:

– Валя, ты должен знать свою квартиру. Для танцев пригодна лишь эта комната. Больше просто нигде.

Катя сняла руку Валентина со своей талии.

– Я помогу.

Сергей сделал протестующий жест.

– Именинников и балерин просим не беспокоиться. Покорный ваш слуга и эти две разумные торпеды задачу свою выполнят.

Дина ткнула его в бок.

– Болтун. – И с горкой посуды отправилась на кухню.

Кате стало совсем неловко.

– Может, все-таки я помогу?

Проходя с пустыми бутылками, Ольга мотнула головой.

– Спасибо, обойдемся.

А Серж опять обернулся в дверях.

– Представляешь, Кать: вышла ты замуж и с охапкой кастрюль выполняешь балетные па. И с кастрюлями этими составляешь единое целое. Представляешь? Это и будет современный балет в апогее. – Он удалился, позвякивая посудой.

Катя вздохнула.

– Нет, он меня достанет.

– Это же Макаров, – отмахнулся Валентин. – На него обижаться себе дороже.

– Да нет, я вроде уже привыкла.

Минут через двадцать стол был разобран, поставлен в угол и появилось место для танцев. Верхний свет погасили и включили торшер, создав тем самым интимный колорит. Ольга, обеспечивая музыку, расположилась у магнитофона и врубила оркестр Поля Мориа. И потекли мелодии, вполне соответствующие обстановке.

Валентин с Катей, кузен Гоша и Эдик с подругами составили три танцующих пары. Они кружились, тесно прижавшись, танец за танцем без перерыва. Меняться партнерами, похоже, никто не собирався. Катино опьянение практически выветрилось, осталась лишь приятная легкость.

– Слушай, а где Макаров? – полюбопытствовала Катя.

– Соскучилась? – хрипло отозвался Валентин.

– Да нет, просто интересно.

– А мне – нет. – Валентин вновь попытался Катю поцеловать, и она вновь уклонилась, но поцеловала его сама. В щеку. Именинник криво усмехнулся. – И на том спасибо.

Мелодия закончилась, и Катя, отстраняясь, посоветовала:

– Потанцуй с сестрой: она скучает.

Валентин воззрился на нее в недоумении.

– Еще чего!

Катя чмокнула его в другую щеку.

– Пожалуйста, будь хорошим братом.

– Куда уж лучше? – проворчал именинник.

Однако просьбу выполнил. И они с Ольгой затоптались, беззлобно переругиваясь.

Катя выскользнула в коридор. Голос Макарова доносился с кухни: «Укроти свой аналитический ум. Просто делай, как я говорю.» Точно под гипнозом, Катя прокралась к приоткрытой двери.

Дина висела у Макарова на шее.

– Не могу, – бормотала она. – Дохлый номер.

Серж гладил ее по волосам.

– Ни фиги, ты лучше всех... – Он заметил замершую у порога Катю. – Да у нас тут гости.

Дина отшатнулась от него как ошпаренная.

Катя сделалась пунцовой.

– Простите, что помешала, но мне... Я подумала... – Она вдруг разозлилась, жутко разозлилась на этого говнюка Макарова, который, судя по всему, ни одной юбки не пропуска-

ет. – Кто-то хвастался, что он лучший в мире танцор! А шестой танец, между прочим, кончился! Много видала я трепачей, но такого наглого... – Развернувшись, Катя зашагала прочь.

– Сейчас приду! – крикнул ей вслед Сергей.

В гостиной все оставалось по-прежнему: Гоша и Эдик (как только не надоест!) топтались в обнимку с подругами, а Валентин с чокнутой сеструхой, примостясь на диване, лениво о чем-то препирались (не утомились, видать, за долгие годы!) Катя также присела на диван.

– Где Макаров? – обратился к ней Валентин.

– Не знаю и не интересно! – сердито соврала Катя.

Валентин внимательно на нее взглянул.

– Что с тобой?

– Ничего. Скучно просто.

– Потанцуем?

– Я устала.

Зазвучала музыкальная тема из «Шербургских зонтиков», и вошли Сергей с Диной. Встав перед Катей, «лучший в мире танцор» шаркнул ногой.

– Час испытаний пробил, – сказал он, протягивая руку. – Пусть публика рассудит, кто трепач, а кто мастер.

– Я устала, – неуверенно повторила Катя.

Макаров приглашающе изогнул стан.

– Прошу, пани. Не то люди подумают, что балерина – это марка дезодоранта.

Катя поднялась, опираясь на его руку.

– Ладно, под мою любимую мелодию... – Она грациозно возложила ладошку на его плечо. – Только один танец.

Макаров отстранился.

– Как сказал один экспериментатор: мы пойдем другим путем. – Он включил верхний свет. – Слабонервных просим удалиться.

Все заморгали и зажмурились.

– Эй! Что за дела? – возмутился кузен Гоша.

– Твое время истекло, – заявил Сергей, – уйди с миром. Сядьте все. Очистите пространство. Ольга, прикрой «Шербургские зонтики». – Он пошептал девочке на ухо.

С видом заговорщицы Ольга выполнила его распоряжение: хрустальными брызгами из динамика хлынул диксиленд, наяривающий «Хэлло, Долли!». Заинтригованная «публика» расселась вдоль стен.

Растерянная Катя стояла посреди комнаты.

– И что дальше?

– Дальше, – сказал Сергей, – танцуем чарльстон. Импровизируем. При том делим площадку поровну, и каждый танцует на своей половине. – Он обозначил ногой незримую линию. – Эту границу не переступаем. Но двигаемся так, будто держимся за руки. Ясно?

– Да, но... я на каблуках...

– Начнем! Границу не переступаем!

В танце, не спеша, Сергей пошел в сторону Кати. Дви-

гался он, что называется, «бросая пятки», с удивительным для его комплекции кошачьим изяществом. Катя, также бросая «бросая пятки», синхронно отступила. Сергей, слегка покачиваясь, двинулся влево. И Катя, покачиваясь, двинулась в ту же сторону. Получалось у нее сперва не слишком уверенно, однако вскоре танец увлек ее как игра. Катя двинулась на Сергея правым плечом вперед. Отведя назад левое плечо, Сергей отступил. Катя выбросила руку, изобразив толчок. Сергей пошатнулся, как бы устояв чудом. «Хэлло, Долли! Хэлло, Долли!» – продолжал наяривать диксиленд. Они смотрели в глаза друг другу и согласованно танцевали каждый на своей половине площадки. Сергей поднял руку над головой и поворачивал кистью. Катя, будто повинувшись его руке, сделала оборот. Раздались аплодисменты. Сергей улыбался, Катины щеки пылали. Оркестр меж тем словно взбесился, банджо выдавало умопомрачительный чес. Катя попятилась в танце и, хищно прогнувшись, изобразила, будто тащит Макарова на поводке. Накренясь, как ревматик, Сергей семенил за ней и, отбрыкиваясь, «бросал пятки» в чарльстоне. Рассмеявшись вместе со зрителями, Катя не сдержалась и кинулась Сергею на шею...

– Ну хватит! – Ольга выключила магнитофон. – Все тоже танцевать хотят!

Катя продолжала обнимать Сергея.

«Публика» разразилась овациями. Даже именинник – с весьма кислой миной. Смутившись, Катя отпрянула и про-

бормотала:

– Без репетиций все-таки...

Кузен Гоша полюбопытствовал:

– Где так насобачился, Макаров?

Сергей обмахивался ладонью.

– На семинарах по квантовой электродинамике.

– Пижон, – поправила очки Дина. – Все было замечательно, ребята, но мне, увы, пора домой.

Именинник апатично встал с дивана.

– Я провожу.

– Спасибо, Валь, – улыбнулась сокурсница. – За мной папа приехал, ждет у подъезда. Всем пока.

Макаров взял ее за руку.

– До лифта, надеюсь, проводить можно?

Дина потрепала его за ухо.

– Такому лихому танцору... только до лифта.

Они вышли. Школьный товарищ Эдик с подругой засобирались тоже: ехать им предстояло на другой конец Москвы. Когда вернулся Макаров, они уже надевали плащи. За ними, с интервалом в десять минут, потянулся и кузен с дамой сердца. Именинник с сестрой проводили их в прихожую.

– Позволь деликатный вопрос, – обратился Макаров к Кате. – Что ты подарила юбиляру?

– Галстук. Иди к черту.

– Красивый хоть галстук?

– К черту иди.

– Хм... Разве я наступил тебе на ногу?

Катя ожгла его взглядом.

– Расцарапать тебе рожу?

Он посмотрел на нее с интересом.

– А если отвечу положительно?

– Ты просто... Знаешь, ты кто?! – Катя аж задохнулась.

Тут вернулись Валентин с Ольгой, и она объявила: – Пойду-ка и я. Натанцевалась.

– погоди, время детское, – засуетился именинник. – Давай кофейку попьем.

Сергей возразил:

– Девушку родители ждут, Валя. На твоём месте я не стал бы их нервировать.

Ольга прыснула.

Катя прошипела:

– Шел бы ты, знаешь...

– О тебе, Катерина забочусь. – Гнусный Макаров приложил руку к сердцу. – Москва – город беспокойный... Кать, я без подначки: тебе действительно пора.

Катя молча направилась в прихожую. Остальные последовали за ней. Валентин помог девушке надеть плащ и натянул на себя куртку.

– Валька, – потребовал Макаров, – покажи галстук, который она тебе подарила.

– Не показывай, – воспротивилась Катя. – Или я его этим галстуком задушу. Сделаем так: вы оба меня проводите...

для надежности, и отправитесь по домам. Хорошо?

Именинник хмуро качнул головой.

– Лучше проводим Сержа: здесь не далеко. А потом я спокойненько провожу тебя. Время детское.

– И я пойду провожать, – заявила Ольга.

Валентин показал ей кукиш.

– А вот это видела!

Макаров встал между ними.

– Сделаем по-другому. Катю проводит Валя, на такси. А мы с Ольгой перемоем пока посуду.

Довольный именинник пробормотал:

– Посуду, в принципе, можно и завтра...

– Или послезавтра, – фыркнул Серж. Затем отозвал Валентина в сторонку и, не слушая протестов, всучил деньги на такси. – Пока, ребята. Мы с Олькой тут справимся.

Валентин смущенно произнес:

– Ладно, раз ты сам это предложил... Пойдем, Кать.

В дверях Катя обернулась.

– Приятно было познакомиться.

– Взаимно, – поклонился Серж.

Вслед за Валентином переступив порог квартиры, Катя услышала Олькин возглас: «Пошли на кухню, горе мое!» Катя с треском захлопнула дверь.

* * *

Директор ресторана стояла у окна спиной к милиционеру, который недоверчиво переспросил:

– Девятнадцать лет знакомы? И до сих пор, блин, отношений не выяснили?

Катя обернулась.

– Простите, не поняла намека.

– Да какой намек, Екатерина Васильевна. У меня сведения точные. – Хомяков заглянул в блокнот. – «Ор стоял такой – потолок содрогался». Отрицать будете?

– И что с того?! – повысила голос Катя. – По-вашему, это означает, что я организовала пожар?!

– Выводы, Екатерина Васильевна, я сделаю потом. А пока без уверток ответьте на вопрос: стоял у вас ор или меня ввели в заблуждение?

– Если вам нравится слово «ор», на здоровье! Но должна заметить, что орала я одна! Если б Макаров хоть раз на меня наорал... возможно, все было бы по-другому.

– Значит, вы подтверждаете, что скандалили с Макаровым Сергеем Петровичем в помещении, где хранятся декорации, непосредственно перед вспыхнувшим пожаром?

Катя прошла по кабинету.

– Бред какой-то... Что значит «непосредственно перед»? Ведь я даже не знаю, во сколько начался пожар.

Хомяков смотрел на нее пристально.

– Это вы так утверждаете. Само собой, я проверю... – В его кармане зазвонил сотовый. Капитан извлек его и ото-звался. – Я, Аркадий. Кто ж еще? Ближе к теме... Подъехать не могу: в пожарном деле увяз. Пожрать, блин, некогда...

Как это, Чижа взяли?! Что ж ты соплю жуешь?! Погоди... Эй! Вы куда?! – крикнул он директрисе, выходящей из кабинета.

– В бега, – ответила Катя. – В Лондон вылетаю. Ищите с Интерполом. – Она шагнула за дверь. – Да не волнуйтесь. сейчас приду.

«До чего красивая баба!» – восхитился Хомяков мысленно и сказал в трубку:

– Чижа, говоришь, взяли. Уже кое-что. Обшмонали, небось, а он чист. Угадал?.. Кончай кудахтать, Аркаш! На что ты рассчитывал?.. Не кудахчи, говорю! Где Гафуров?.. Понял. Подъеду к вечеру... Сейчас не могу: тут пожар этот долбаный... – Заметив входящую директрису, Хомяков спешно закруглился: – Все, Аркадий! Аккумулятор садится. – Он сунул телефон в карман. – Екатерина Васильевна, что за дела?

Катя поставила перед ним блюдо с горячими пирожками.

– Сами выпекаем. Четырех видов: с капустой, с грибами, с черносливом и с курагой.

Хомяков сглотнул слюну.

– К чему вы это рассказываете?

– К тому, что вам пожрать некогда.

– Уберите, я не буду.

Катя строго на него посмотрела.

– Ешьте, я не поджигала. У меня отсутствует мотив.

– Не уверен. – Хомяков старался не смотреть на пирожки.

– Тогда придумайте хоть один.

– Во, блин! Екатерина Васильевна, скажем прямо, балетмейстер вас бросил. Какой еще мотив нужен брошенной женщине?

Катины щеки вспыхнули.

– Кто брошенная женщина... я?

Хомякову все это не нравилось, чертовски не нравилось. Иметь дело с ворами было гораздо сподручней. Капитан уткнулся в свой блокнот.

– Если вы та самая Екатерина Васильевна Митина, значит...

– Не Митина, а Макарова. После развода я оставила фамилию мужа. И я скорее застрелюсь, чем буду ему пакостить.

– Постойте, – изумился Хомяков. – То есть вы жена этого... балетмейстера? Бывшая?

Катя удивилась в свою очередь:

– Вы не знали? Зачем же вы сюда явились?

– Думал, вы любовница в отставке, – обескураженно пробормотал Хомяков.

Катя невесело рассмеялась.

– Ваша версия, пожалуй, устроила бы меня больше.

Хомяков пытался собраться с мыслями.

– Развелись так развелись. Какого тогда рожна вы сцепились? Если не секрет, конечно.

Катя опустилась в рабочее кресло.

– Макарову нужны две танцевальные пары. Для спектакля. Я подобрала ему отличных ребят, предложила. А он

в обычной своей манере: «Спасибо. Ценю твои хлопоты, но мы тут сами справимся.» И я, как обычно, завелась, дура... Зря время тратите, Виталий Павлович: я не поджигала. Уточните там, во сколько я ушла и во сколько загорелось. Должен быть временной зазор. Если, конечно, вы не подзреваете, что я оставила бомбу с часовым механизмом.

Признав ее правоту, Хомяков мысленно обозвал себя пеньком, однако сохранил форс:

– Проверим, Екатерина Васильевна. Обязательно проверим. – Он извлек из папки список участников субботней репетиции. – Вопрос последний: Макаров женат?

Катя подняла на него глаза. Синие-синие.

– Нет. И надеюсь, не собирается.

– В таком случае, – Хомяков ткнул авторучкой в список, – кто ему Макарова А. С.? Однофамилица просто?

– Макарова Алина Сергеевна, – отчеканила Катя, – наша дочь. Моя и Сергея. Вы сказали, вопрос последний.

Хомяков застыл на мгновение. Затем убрал бумаги в папку и поднялся.

– Екатерина Васильевна, вы... мне это... Можно взять пирожок? Даже два, пожалуй. Можно?

Катя кивнула: на здоровье, дескать. И когда капитан вышел, потерла виски ладонями. Затем сняла трубку, набрала номер и, услышав знакомый голос, проговорила:

– Трудно было позвонить, да? Насчет пожара... Ну конечно, мелочи! Все на свете для тебя мелочи!.. Я не кричу,

не выдумывай... Ты обгорел?.. Не смей отключаться, Мака-
ров! Ты правда не обгорел?!

Глава 3

Солнце покинуло наконец танцзал, жалюзи были подняты, и в окна беспрепятственно хлынул свет. Шла репетиция балетного спектакля. Танцоры (в тех же обтягивающих трико) жмурились сидя вдоль стены, за исключением пары, занятой в очередной сцене. Синеглазая девушка с черными стриженными волосами и остроносый парень с волосами, стянутыми в хвост, расположились рядышком на стульях в центре зала. Они терпеливо ждали, пока прервавший репетицию балетмейстер закончит разговор по мобильнику. Отойдя в сторонку, Макаров спокойным ровным голосом пытался поставить точку в диалоге:

– Никто не обгорел, Кать. Даже не ушибся. Хочешь, поклянусь?.. Алины там вообще не было... Как скажешь. Когда загорится, помчусь звонить тебе.

Вскочив со стула, синеглазая девушка подбежала к нему.

– Скажи ей: у нас репетиция! Сколько можно жилы тянуть!

– Ну-ка, брысь, – столь же спокойно осадил ее Макаров. И, дождавшись, пока дочь вернулась на место, проговорил в телефон: – Слыхала? Жива-здорова. Извини, меня сейчас тут порвут. – Дав отбой, он отложил мобильник.

В наступившей тишине прозвучала насмешка Ольги:

– Надо же, какая заботливость. Материнская прямо.

– Хватит! – отозвалась со стула девушка-синеглазка. – Без комментариев обойдемся!

– Или до ночи тут промаемся, – ввернул ее остроносый партнер.

Макаров взглянул на него, склонив голову набок.

– И сколько же, Леха, тебе положено маяться? Если по контракту.

Парень поднял руки.

– Сколько скажете. До потери пульса.

– Правильный ответ. – Макаров подошел к сидящей на скамье Ольге. – Ну?

Ольга выдержала его взгляд.

– Баранки гну.

– Отправила, говоришь, мента на кудыкину гору?

– Ничего другого на ум не пришло.

Макаров извлек из ее волос красную ленту. Ольга не шевельнулась. И труппа с интересом наблюдала, как балетмейстер повязывает ленту на Ольгиной шее бантиком.

– В наказание. – Макаров расправил бант. – Будешь носить, не снимая. Пока гнев мой не остынет.

Раздались смешки.

Ольга сверкнула на худрука глазами.

– Ага, щас! – Но к ленте не прикоснулась.

Макаров меж тем повернулся к сидящей на стульях паре.

– Сцена у телевизора – поехали!

Прижавшись плечами, парень и девушка уставились

в пространство. Затем задержались и принялись пихаться. Вновь слышались смешки. Симпатичный парень постарше (как и утром, массирующий колена) небрежно обронил:

– Высокое искусство. Новаторское, главное.

Макаров бросил через плечо:

– Петя, заткнись. – И воззрился на сидящих в центре зала. – Совсем сбрендили? Мы же это проходили.

Щеки девушки вспыхнули.

– Пап, может, с музыкой?

Балетмейстер мотнул вихрастой головой.

– Музыка из телевизора не звучит. В смысле содержательном. Когда пульт в руках Леши, слышны только выстрелы из боевика. А когда пультом завладевает Алина, музыка – лишь фон для страстей из мексиканского сериала. Все это еще не смонтировано, так что обойдетесь. При том главное требование: музыка должна звучать в ваших головах, и танцевать под нее вы обязаны даже в абсолютной тишине. Кто не справится – выгоню. И никаких «пап», ясно?

Немолодой танцор брякнул:

– Детоубийца. – И насмешливо уставился в потолок.

Мужчина и женщина лет под сорок, с аристократической отрешенностью наблюдавшие за происходящим, обменялись взглядами.

– Думаю, Миша Ласкин схлопочет, – предположил мужчина, теребя чохлую бородку. – С утра, бедолага, нарываят-ся.

Женщина с бледным лицом, заплетая волосы в косичку, искривила тонкие губы.

– Схлопочет как пить дать.

Миша Ласкин буравил взглядом потолок.

– Елецкие, хотите пари? Ставлю десять баксов: инквизитор не посмеет.

– Принимаем, – отозвалась женщина.

– И удваиваем, – подхватил мужчина с бородкой.

Балетмейстер предостерегающе поднял руку.

– Елецкие, воздержитесь. Если удалю Мишу с репетиции – он обвинит меня в холокосте. Оно мне надо?

Все рассмеялись. И Миша Ласкин похвалил:

– Тертый ты калач, Макаров.

– А то! – подмигнул Сергей. – Работы у нас навалом, а времени в обрез. Так что никаких «пап». – Он хлопнул в ладоши. – Алина, Леша – вы у телевизора, пытаетесь завладеть пультом.

Сидящие на стульях парень с девушкой опять принялись пихаться. Макаров снова их прервал:

– Выпороть вас, что ли?

– Что мы делаем не так? – буркнул парень.

– Если ты сидишь, Леша, это не значит, что ты не танцуешь. Надоело напоминать.

Алина растерянно смотрела на отца. А парень упрямо тряхнул «хвостом» на затылке.

– Сергей Петрович, что мы делаем не так?

– Нет пластики? – предположила девушка.

Макаров вздохнул.

– Ни пластики, ни характеров. Петрушка, отбирая пульт у невесты, трогательно деликатен. Он опасается ее обидеть, нечаянно сделать больно. Представь его движения, Леша. – Балетмейстер прошелся по залу. – Юлия же, напротив, ведет себя, точно капризный ребенок, у которого отнимают игрушку.

– Я так и делаю, – ввернула Алина.

Макаров покачал головой.

– Ты похожа на воришку, цапнувшего с прилавка банан. – Когда стих смех, Сергей подытожил: – Зачем столько мусолить эту незначительную, вроде, сцену? Затем, что в спектакле ничего незначительного не бывает. К тому же, с этой сценки начинается действие и задается тон всему шоу.

– Великий педагог, – не удержался Миша Ласкин. – Помесь Фокина с Голейзовским.

Макаров и ухом не повел.

– Врубайтесь в образ, – сказал он Алине и Леше. – Поехали.

На сей раз получилось лучше. Движения сидящих на стуле действительно обрели пластику и, главное, наполнились смыслом. Борьба за обладание телевизионным пультом походила теперь на игру, в которой худо-бедно обозначились характеры. Огрехов было еще полно, однако никто из коллег уже не хихикал.

Тут послышалось постороннее покашливание. С папкой под мышкой в дверях зала стоял капитан Хомяков.

– Почему без музыки? – осведомился он смущенно.

– Простите, если можете.

Раздражения в голосе балетмейстер явно не прозвучало, но капитан ОВД оказался чутким.

– Я здесь по службе, – произнес он с вызовом. – Не то, ей-богу, нашел бы, чем заняться.

Труппа смотрела на худрука.

Худрук взирал на милиционера.

– И что теперь? Вы намерены срывать репетиции?

Хомяков расправил сутулые плечи.

– Без нужды не намерен. Сергей Петрович, не я все это закрутил.

Макаров признал в душе его правоту.

– Ладно. Что я должен?

– Выйдем на две минуты, – потребовал капитан, скрываясь за дверью.

Ольга расправила на шее бант.

– Может, я?

– Непременно, – обронил Макаров у входа. – Ты мой кролик в шляпе.

Хомяков тем временем, устроясь в одном из кресел, раскрыл папку.

– Присаживайтесь, – пригласил он.

Макаров качнул головой.

– Вы обещали на две минуты.

– Как хотите. – Капитан достал из папки полиэтиленовый пакет с лоскутом обгоревшей материи. – Гляньте-ка: здесь инициалы «С. М.». Ваш платок?

Сергей протянул руку.

– Позвольте...

Хомяков, пристально за ним наблюдавший, переместил пакет подальше.

– Не трогайте. Просто посмотрите.

– Где вы его нашли? Ах да... на месте пожара, очевидно?

– В нем была пакля, смоченная бензином.

Макаров опустил в кресло напротив.

– Какой же я разиня, – сказал он. – Мой платок. Жена мне его вышила. Бывшая то есть.

Кивнув, Хомяков убрал пакет в папку.

– На разиню, Сергей Петрович, вы не похожи. Тем более, вы физик: захотели бы поджечь, изобрели бы что-то понадежней.

Взгляд Макарова выразил удивление.

– Поджигателем, значит, вы меня не считаете?

Хомяков усмехнулся.

– Менты не так тупы, как в анекдотах.

– Нынче утром, однако, вы были уверены...

– Ну, блин, вы даете! Может, я исповедываться перед вами должен?

– В принципе, блин, не должны, – согласился Макаров.

Капитан невольно улыбнулся.

– То-то и оно. Буду гнуть эту линию: типа вы под подозрением. Я рассчитываю на ваше содействие. Кто-то ведь поджег, Сергей Петрович, козе понятно.

Макаров напрягся.

– Я должен был сам с этим разобраться.

– Вот и разбирались бы! – в досаде отреагировал Хомяков. – Нечего было в прокуратуру капать! На мне ограбление ювелирного, а балетная ваша хренотень... – Капитан похлопал себя по загравку. – Как ваш платок там оказался? Догадки имеются?

Макаров чуть подумал.

– Ни единой. Катя... бывшая жена, два платка мне вышила. Один исчез из кармана брюк, затем – вскоре и другой. Почти полгода прошло.

Хомяков сделал пометку в блокноте.

– Вы огорчились? – осведомился он.

– К делу не относится.

– Относится, Сергей Петрович. Может, кто-то сильно хотел вам досадить. Тот, кто хорошо вас знает.

– Огорчился, – сказал Макаров. – И что это нам дает?

Капитан задумчиво покусывал авторучку.

– Другие платки не пропадали? Не вышитые Екатериной Васильевной.

Макаров взглянул на него с интересом.

– Ход ваших мыслей ясен. Не пропадали. Но, опять же,

что это дает?

Хомяков снял фуражку и шмякнул на стол.

– А пес его знает! Но за эту ниточку... С вами пока все, Сергей Петрович. Не могли бы вы пригласить сюда Олю... э-э... Ольгу Николаевну?

Сергей с облегчением поднялся.

– Запросто. И Олю, и Ольгу Николаевну – пришлю обеих. Хохотнув, капитан пригладил волосы.

Балетмейстер вернулся в зал, и оттуда танцующей походкой вышла, можно сказать, старая знакомая. Она села в кресло и, положив ногу на ногу, проворковала:

– Наконец-то, Виталик. Заставляешь скучать.

Хомяков не сдержал улыбки.

– Почему у тебя лента на шее?

– Сползла. – Ольга расправила бант. – Как успехи, напарник? Расколол королеву бифштексов?

Улыбка на лице капитана погасла.

– Влегкую, – ответил он. – Приковал наручниками к трубе и дубинкой по почкам. Во всем призналась.

– Зачем же так?

– А как ты хотела? Ты ж нас, ментов, знаешь.

Ольга взглянула сердито. И несколько мгновений они, что называется, играли в гляделки.

– За кого, Виталик, ты меня держишь? – спросила Ольга.

– За крутого напарника. В милицию служить пойдешь?

Послышалась мелодия из «Лебединого озера», и голос

Макарова скомандовал: «Держи спину, Алина! В корсет упаковую!» Заинтересованный Хомяков проследовал к дверям зала.

Синеглазая девушка с черными стриженными волосами, волнообразно двигая руками, танцевала на пуантах. «До чего ж они похожи! – восхищенно подумал Хомяков. Как я сразу не допер?» Тут остроносый паренек с «хвостом» на затылке (таких причесок у мужиков капитан на дух не переносил) поколдовал с магнитофоном. Из динамиков хлынуло что-то забойно-ритмичное, и парень пластично задержался под эту музыку. Синеглазая Алина, подбоченясь, за ним наблюдала. Затем, как бы в досаде, нажала на магнитофонную клавишу. И вновь полилась тема из «Лебединого озера». Девушка возобновила танец на пуантах, а парень в досаде топтался рядом. Хомяков зачарованно замер.

– Работать будем или глазеть? – произнесла Ольга. – Закрой-ка дверь, сыщик.

Капитан неохотно вернулся в кресло.

– Как они успевают музыку менять? Даже без перемотки.

– Монтаж, Виталик, запиши в блокнот. Какого черта ты на меня взъелся?

Хомяков взглянул на нее в упор.

– Почему не сказала, что она жена Макарова?

– Бывшая! – сверкнула глазами Ольга. – Уже четыре года как бывшая!

– Ты сказала: брошенная женщина.

– Одно другого не исключает!

– Разве Макаров ее бросил?

– Какая на хрен разница?! Они собачились перед пожаром! Она, что ли, это отрицает?!

– Не отрицает.

– Еще бы ей отрицать: свидетелей вагон!

Хомяков не сводил глаз с пылающего лица балерины.

– Успокойся, Оль: вдохни и выдохни. У нее же дочь здесь танцует.

– И что с того?! К чему ты дочь сюда приплел?!

– Ну, блин, ты даешь! Мы говорим про Екатерину Митину... не Митину, кстати, а Макарову. Зачем ей поджигать? Насолить бывшему супругу и дочери заодно? Так, по-твоему?

Забравшись в кресло с ногами, Ольга теребила красный бант на шее. Хомяков не торопил ее с ответом, лишь продолжал изучающе смотреть. Ольга вздохнула с улыбкой.

– Кто знает? – пожала она плечами. – Не хочу возводить напраслину, однако... Кто знает, на что способна танцовщица-неудачница с завышенной самооценкой? Женская психология, Виталик, вещь настолько своеобразная...

Возникла пауза. Хомяков терпеливо ждал продолжения.

* * *

Мусоля задачку по геометрии, Ольга искоса наблюдала за старшим братом. Валентин тщательно вывязывал перед зеркалом галстук. Ветерок из форточки шевелил его густые

волосы и страничку Олиной тетради. Сентябрь шел к концу, но после дня рождения погода сохранялась теплая и сухая.

– Задачку решишь? – подала голос Ольга. – Или собой никак не налюбишься?

Валентин полюбопытствовал:

– О чем там речь?

– Треугольник, вписанный в окружность.

– Сама решай. Или позвони Макарову.

– Звонила, – в досаде призналась девочка. – Нет его.

Шлэндает где-то.

Валентин справился наконец с галстуком.

– «Шлэндает?» – нахмурился он, подходя к сестре. – Откуда ты словечки эти берешь?

– Из народной среды. – Продвинутая семиклассница ткнула авторучкой в тетрадь. – Вот чертеж, вот условие. Выручай, братан, тащи меня к знанию.

– Вытащишь тебя, занозу. – Валентин вперился в чертеж. – Тэк-с... Вы уже проходили теорему об угле, опирающемся на дугу окружности? Этот угол равен половине дуги.

Ольга мотнула головой.

– Не проходили. Макаров больше недели носа не кажет. С чего бы это?

Валентин усмехнулся.

– Просто кошмар. Думай об учебе, Оль. Если без этой теоремы...

– Вы не поссорились?

– Успокойся. Мы с Сержем и с Динкой каждый день видимся на работе. Нас же в одну лабораторию распределили, забыла?

«Ты видишься, а я не вижусь», – возразила девочка мысленно, а вслух проворчала:

– О'кей, долго еще ты будешь возиться?

– Ты не даешь мне сосредоточиться! – мальчишески вспылil Валентин. – Если вы не проходили этой теоремы...

– Макаров бы решил, – вздохнула Ольга. – Жопа ты, а не физик.

– Сама ты жопа! – старший брат отложил тетрадь. – Маленькая вредная жопа!

Ольга округлила глаза.

– Пап! – закричала она. – Валька меня плохим словам учит!

Родитель, дремлющий в соседней комнате за газетой, разумеется, не отреагировал. Зато Валентин выскочил в прихожую и надел плащ. Сестра вышла за ним следом.

– Не будь яблочным пюре, Валька, – сказала она. – Срочно женись, а то Катьку уведут.

Брови брата приподнялись.

– Кто?

– Конь в пальто, – буркнула Ольга, возвращаясь к урокам.

В метро Валентин обдумывал ее сердитое предупреждение. Странно. Повод для опасений, вроде бы, отсутствовал. Вроде бы. После дня рождения они с Катей встречались два-

жды – просто гуляли, и все шло замечательно. В обществе друг друга они ощущали себя легко и непринужденно. Отчего же после глупых Олькиных слов на душе будто кошки скребут?

От метро Валентин решил пройти две остановки пешком. время позволяло. В чем причина этой глухой тревоги? В Макарове? Но с Макаровым Катя больше не виделась, можно поклясться. Да и на дне рождения они, в основном, пикировались, за редким исключением... Черт побери эти исключения!

К трехэтажному зданию балетного училища Валентин приблизился в настроении сумрачном. И окружал его шелестящий сентябрьский сумрак. Дурацким замечанием сестры пятница казалась испорченной. Однако стоило Валентину увидеть Катю...

В вестибюле она с улыбкой поцеловала его в щеку. Народу было негусто, да и внимания ни них никто не обращал. На Кате был брючный костюм под цвет глаз и туфли на шпильке в тон. Ее черные волосы убраны были в пышный «конский хвост».

– Ноги прямо гудят, – пожаловалась юная балерина. – Куда мы сегодня?

– В «Художественный». – Валентин совершенно оттаял. – Я взял билеты на американский ужастик. Успеем еще перекусить в буфете.

– Чудненько! – обрадовалась Катя. – Прогулки я бы не вы-

держала. Передохнуть время есть?

Сияющий Валентин глянул на часы.

– Навалом.

Они присели на стулья у стены.

– Будь проклят этот балет, – вздохнула Катя. – Как прошла неделя? Рассказывай с подробностями.

– Да какие подробности... Осваиваемся в лаборатории. – Валентин разглядывал приближающегося к ним тощего юношу. – Мы осваиваемся, начальство к нам принимает – ничего интересного.

У тощего юноши были шкодливо-грустные глаза.

– Здравсьте вам! – произнес он бодро и обратился к Кате: – Отойдем-ка на минуточку.

– Зачем? – устало спросила Катя.

– Для гнусных приставаний, – выпалил юноша. – Митина, у меня мало времени.

Катя тронула за руку воинственно приставшего Валентина.

– Не бери в голову: это наш Миша Ласкин. Мишуня, – сказала она тощему парню, – либо говори, что хотел, либо отвали. Сил больше нет.

Косясь на Валентина, Миша доложил:

– Тебе записка, Митина. Велено передать лично.

Катин взгляд выразил удивление. А Валентин раздраженно уточнил:

– Тебе, Миша, за услуги платят или из альтруизма стара-

ешься?

Парень и бровью не повел.

– Его зовут Валькой? – обратился он к Кате. – Ему тоже записка.

Валентин с Катей переглянулись.

– От кого? – осведомилась девушка.

Раздвинув руки, Миша изобразил широкие плечи:

– Вот такой. – Затем взъерошил свои волосы: – И такой.

– Макаров! – вырвалось у Валентина.

Катины щеки медленно заливала краска.

– Как он вообще... Что он здесь забыл?

Миша Ласкин усмехнулся.

– За нами наблюдал. Как мы потеем.

– И Татьяна Андреевна его не выперла?

– Сам удивляюсь. Не смотри на меня так.

Раскрасневшаяся Катя протянула ладонь.

– Давай записки.

Но Миша медлил.

– На перемене, – сообщил он, – я пытался удержать линейку на носу. Вертикально, разумеется. Здоровяк этот вдруг подошел и заявил, что удержит линейку на носу дольше, чем я. Мы заключили пари. Он выиграл с разницей в двадцать секунд.

Валентин прыснул.

– Узнаю Макарова!

Миша обратил на него шкодливо-грустный взор.

– Поэтому я передаю вам записки. Никакого альтруизма – лишь проигранное пари. – Он вручил Кате два листка из блокнота и, уходя, обронил: – Опасный тип. Весьма опасный.

Катя протянула листки Валентину.

– Прочти вслух.

Валентин буркнул:

– Ох, этот Серж... – И прочел: – «Дражайшей Екатерине поклон. Пришел, увидел, осудил.» Далее подпись: «Маркиз Баттман Тандю.» – Валентин хмыкнул. – Что такое «баттман тандю»?

– Движение в классическом танце, – отмахнулась Катя. – Читай вторую.

– Вторая адресована мне.

– Мою ты прочел, прочти теперь свою. Что за секреты?

И Валентин с улыбкой прочитал:

– «Валька, она горбится. Чтоб держалась прямо, привяжи к ее спине лыжи...» Кать, ты что? Это же Макаров.

Катя поднялась, сверкая глазами.

– Кто горбится?! Я горблюсь?! – Походкой разгневанной королевы она проследовала в гардероб, надела плащ и вернулась. – Татьяна Андреевна, если хочешь знать, следит как цербер, чтобы мы тянули спину! Он просто идиот!

Валентин также встал со стула.

– Не заводишь, Кать. Он просто ваньку валяет.

– Я не заводжусь. Пойдем.

Они вышли из училища. Было темно, и пахло осенью. Катя взяла Валентина под руку.

– Прогуляемся до метро. Время ведь есть?

– Тебя, вроде, ноги не держали.

– Оклемалась немного. У метро есть автоматы – позвоним Макарову. Я ему выскажу.

Шурша опавшими листьями, они шли по тротуару. Валентин погладил Катину руку.

– Прекрати. Что именно ты собралась высказывать?

Катя резко остановилась.

– Послушай! Если бы я приперлась к вам в лабораторию и стала подглядывать, шпионить... Тебе бы понравилось?!

Валентин рассмеялся.

– Пережил бы как-нибудь. Шпионь на здоровье.

– А мне это не нравится! – Катя повлекла его под руку по улице. – Могу я высказать свое отношение?! Могу потребовать, чтобы оставил мою спину в покое и вообще?!

Валентин счел за благо отступить.

– Можешь. По Конституции. Но в темпе: время уже поджимает.

Катя вдруг обняла его и поцеловала. Но, когда Валентин попытался вернуть поцелуй, грациозно уклонилась.

В ближайшем телефон-автомате Валентин набрал номер Сергея. Выражение лица Кати обещало, что «маркизу Баттман Тандю» мало не покажется. В трубке, однако, раздались частые гудки.

– Занято, – сообщил Валентин.

Катя слегка его подвинула.

– Дай-ка, я попробую.

– Ты же номера не знаешь.

– Так продиктуй.

После двух неудачных попыток Катя обозвала Макарова «чертовым болтуном» и вознамерилась продолжить натиск. Валентин отобрал у нее трубку.

– Он, между прочим, с родителями живет. Не известно, кто висит на телефоне.

Гнев Кати, судя по всему, не иссяк.

– Ну и что, сдадимся?!

Валентин вздохнул.

– Доедем до Арбата, позвоним оттуда. В буфет уже не успеем.

Из автомата возле «Художественного» они дозвонились сразу. Трубку сняла мать Сергея.

– Добрый вечер, Ирина Александровна, – проговорил Валентин. – Дома ли друг мой разлюбезный?

– Нет, Валя, – отозвалась мамаша, – друг твой разлюбезный где-то развлекается. Сам-то как?

Вежливо отшутившись, Валентин простился. Объяснять Кате ничего не пришлось.

– Ладно, – кивнула она на афишу, – пошли посмотреть мистический триллер.

В буфет они все же успели. Это было единственной уда-

чей, поскольку фильм оказался полным бредом. Инфернальные монстры тупо жрали каждого кто подвернется, а жертвы столь же тупо лезли им в пасть, оглашая окрестности воплями. Но было очевидно: чудищам в финале придет каюк и дебиловатый герой, волей Господа, уложит спасенную девицу в койку. Публика млела в предвкушении.

– Пойдем отсюда, – предложила Катя.

На выходе Валентин взглянул на часы.

– Домой, вроде, рановато.

– Погуляем, – согласилась Катя. – Но сначала дозвонимся. Макарову. Пока задор не пропал.

«Знаешь, где у меня твой задор?!» – едва не выдал Валентин, но сдержался. Они пристроились к телефону-автомату. Трубку опять сняла мать и доложила, что Сережа еще не вернулся: пятница все же.

– Хватит, – буркнул Валентин.

– Нет, не хватит! – ожгла его взглядом Катя – Как он узнал, где я учусь?! Как узнал, что мы сегодня встречаемся?!

Валентин разозлился тоже.

– Я ему сказал! Это тайна государственная?!

Катя притопнула каблучком.

– Трепался бы меньше! А то «пришел, увидел, осудил»! И как я жила без этого?!

Они стояли у телефона-автомата, готовые поссориться.

Валентин опустил взгляд.

– Ладно, есть одна идейка. – Он набрал номер Дины Бе-

лых и в коротком разговоре с ее папой выяснил, что «Диночка на прогулке с Сережей, обещали вернуться к одиннадцати». Сообщив это Кате, Валентин отрезал: – Звонить больше не буду.

Катя скривила губы.

– Бабник твой Макаров.

– Ты про Дину?

– Ага. Видела, как они на кухне... Ладно, дело не мое.

Валентин вдруг ощутил себя задетым.

– У Макарова с Динкой ничего нет – пусть гуляют хоть до утра. Не надо грязи.

Катя внезапно успокоилась.

– Конечно, пусть гуляют. – Она взяла Валентина под руку. – И мы с тобой пройдемся. Чтоб ужастик выветрить из головы.

Их прогулка, однако, длилась не долго: Катя все же устала. И главное, Макаров, как Фома Опискин, можно сказать, «блистал своим отсутствием». Валентин проводил Катю, условился созвониться завтра и получил заслуженный поцелуй в щеку.

Дома все уже спали. Валентин прошел в свою комнату, извлек из кармана две записки Макарова и, повертев их в руке, бросил на письменный стол. Затем, раздевшись до трусов, отправился в душ. Вернувшись, он застал у себя сестру. В ночной рубашке Ольга сидела на тахте и при свете бра читала пресловутые записки.

– Это что еще такое?! – рявкнул Валентин. – Ну-ка, брысь!

– Не ори, предков разбудишь, – прошипела девочка. – Киселем ты был, киселем останешься.

– Ах ты задница с ушами... – задохнулся от возмущения старший брат. – Вали отсюда, пока не огребла.

Ольга не шелохнулась.

– Там был Макаров, да? Так и знала, так и знала...

– Что ты знала?! Спать иди!

– Ага, щас! Тут меры принимать надо!

Валентин прыснул. Злость его улеглась.

– Какие меры, козявка нахальная?

Чуть подумав, Ольга скомкала записки.

– О'кей, поступаю в балетное училище.

Валентин не рассмеялся, так как хорошо знал свою сестру.

– Тебе уже двенадцать, – заметил он рассудительно. – Для балета ты старуха. Угомонись.

Поднявшись с тахты, Ольга пошла к двери и на пороге обернулась. Сквозь ночную рубашку проступала ее угловатая фигурка.

– В балете я буду лучшей, – отчеканила девочка. – Валька, ты меня знаешь.

Валентин обалдело присел на тахту.

* * *

– Оль, не размазывай кашу по стенке, – поморщился капитан Хомяков. – Если, по-твоему, подожгла она... Завязы-

вай с психологией, доказательства давай.

Ольга теребила красный бант на шее.

– Я этого не утверждаю, Виталик. Утверждать – прерогатива твоя. А собирать доказательства – твоя работа.

Хомяков изобразил улыбочку.

– Вот, значит, ты какая? То мы напарники, то сразу табачок врозь.

У Ольги улыбка вышла натуральней.

– Про табачок не напоминай: до того курить охота... Не обижайся, Виталь. Нужна моя помощь – нет вопросов. В рамках моей компетенции, разумеется.

– За рамки не переступлю. – Хомяков ткнул авторучкой в блокнот. – Во сколько Екатерина Макарова ушла из театра? Хоть приблизительно.

– На часы, представь, я не смотрела. А какая разница?

– Здравствуйте-пожалуйста! Ушла она, допустим в час дня, а пожар начался в четыре. Оль, не включай дурочку.

Ольга нахмурила брови.

– Во-первых, пожар могли заметить не сразу...

– Если б не сразу, там бы все сгорело к едрене-фене.

– А во-вторых, большой разницы во времени, конечно же, не было. Между ее уходом и пожаром прошло, примерно...

В кармане Хомякова зазвонил мобильник. Достав его, капитан отозвался:

– Ну что там, Аркадий?.. Во, блин! А без меня никак?!.. Послать их, что ли не способен?!.. Ладно, еду... Еду, говорю!

Успокойся! – Хомяков сунул мобильник в карман, а блокнот – в папку. – Время ухода, значит, ты не запомнила. Плохо, напарник. Как говорит наш следак, «пирожок с хреном».

– И что же делать?

Хомяков встал с кресла.

– Опросить других свидетелей.

– Вот и опроси, радость моя.

– Обязательно. Почему, кстати, ее ресторан называется «Ностальгия»?

Ольга пожала плечами.

– Полет фантазии.

– Ясно. И этого не знаешь. – Хомяков шагнул к выходу. – Будь внимательна, солнце мое.

Оказавшись за дверью, он услышал:

– Эй, мент! Не сутулься!

Хомяков с усмешкой расправил плечи.

Глава 4

На следующее утро он был вызван на ковер. Осипшим баритоном майор Ковальчук разъяснил ему доходчиво, где он, майор, видал «гребаный этот балет вместе с долбаной прокуратурой». Потому что, если он, капитан Хомяков, вместо ограбления ювелирного будет «увлекаться траханьем клопа», то оного капитана живо командируют «в заблеваный сортир подтирать бомзам задницы». Щекастый усатый майор показательно громыхал пятерней по столу.

Хомяков нынче был в костюме, при галстукe и в демисезонном пальто, за что походя заслужил звание «гнилого фразера и сачка». Солнце с опаской заглядывало в форточку милицейского кабинета, упоительно пахло весной. В профиль к бушующему начальству Виталий апатично сидел на стуле: он слыхивал и не такое.

Майор наконец, как обычно, сбавил обороты, и цвет лица его из свекольного сделался морковным.

– Что молчишь?! – пророкотал он. – Крыть нечем?!

Хомяков столь же апатично снял телефонную трубку и протянул шефу.

– Давайте, звоните.

– Кому? Э-э... куда?

– В долбаную прокуратуру насчет гребаного балета. Тюняев, конечно, отнесется к вам с пониманием.

Лицо майора Ковальчука из морковного стало сливочным, с легким клубничным оттенком.

– Ты че, Виталь... э-э... подставить меня вздумал?

Хомяков глянул на него исподлобья.

– Примите решение, Григорий Ильич. Скажете послать их подальше – пошлю. Мое дело маленькое: брошу силы на ювелирный.

Майор Ковальчук, что называется, сопел в две дырочки.

– Ты вот что... э-э... не пори горячку. – Он отобрал у Хомякова трубку и шмякнул на рычаг. – И то, и это успевай, ясно? Шустрей крутись, такова гребаная жизнь.

Хомяков спрятал усмешку.

– Что считать приоритетом?

Майор заерзал на стуле.

– Слышь, Виталь... э-э... за горло меня не бери, ладно? Прикинь по ситуации.

– Что считать приоритетом, Григорий Ильич?

Майор вновь громыхнул пятерней по столу.

– Балет! Мать вашу за ногу...

Хомяков встал и козырнул.

– Слушаюсь! – И, не спросив разрешения, пошел к двери. За спиной раздался окрик:

– Но ювелирный тоже! Виталь, не будь гадом!

Хомяков обернулся.

– Расслабьтесь, Григорий Ильич. Прикину по ситуации. – Прикрывая за собой дверь, он услышал почти умиротворен-

ное: «Расслабишься тут, мать вашу...»

В отделении у Хомякова был кабинет. Вернее, закуток со столом, тремя стульями и кактусом на подоконнике. На столе, конечно же, стоял телефон, заклеенный скотчем. В комнатенке этой Виталия ждала его следственная группа по ограблению ювелирного магазина: Аркадий Локотков и Алим Гафуров – оба лейтенанты, оба в милицейской форме. Курить в своем кабинете Хомяков запрещал категорически, поэтому «группа» проявляла нетерпение – можно сказать, нервничала.

– Ну как, пронесло? – осведомился Локотков, добродушный детина с казацким чубом.

– Проносит в сортире, – буркнул Виталий, присев на край стола. – А у нас это накачкой называется. Короче, работаем, как договорились: вы тут, я там. Все держу под контролем. Закончу с пожаром – переключусь на ювелирный полностью. Если вы без меня не дожмете.

– Шутка, да? – уточнил лейтенант Гафуров. Он был строен, смугл и носил аристократические усики. – Сколько собираешься там копать?

– Ну, блин, Алим!.. Еще вопросы имеются?

– Где пальтишко отхватил? – полюбопытствовал лейтенант Локотков.

Виталий двинулся к двери.

– Места надо знать. – В коридоре он объявил следовавшей за ним «группе»: – Потолкуем с Чижом: что-то он кру-

тит. И подскочим в ювелирный. Потом вы прошвырнетесь по «точкам», а я рвану в «Балбес».

Лейтенанты переглянулись.

– Опять, значит? – проворчал Аркадий. – Кому пахать, а кому на танцульки.

Ответом Хомяков его не удостоил. Они шагали по коридору отделения милиции, и после напряженного молчания Алим Гафуров поинтересовался:

– Слушай, почему «Балбес»? Юмор такой, да?

Хомяков пожал плечами.

– Спрошу. Не до того было.

Полдня он прокрутился по делу об ограблении. Ощущений успехов, увы, было негусто – сплошная рутина. Лишь около трех часов, подъезжая в стареньком «фольксвагене» к театру, Хомяков получил на мобильник сообщение: на одной из «точек» всплыло бриллиантовое кольцо из ювелирного. Это было уже кое-что. У входа в театр Виталий по телефону распорядился отдать кольцо на экспертизу.

Дверь в танцзал была приоткрыта, неслись звуки «Аргентинского танго». Хомяков заглянул.

Вся труппа в черных трико, включая балетмейстера и красавчика-продюсера (последний, разумеется, был в костюме), сидела на скамье в качестве зрителей. А две новые пары – одна совсем юная, другая постарше – в бальных нарядах это самое танго танцевали. И, на взгляд капитана Хомякова, танцевали отлично. Балетмейстер, однако, подошел к магнито-

фону, выключил его, перемотал пленку – и полилась мелодия «Венского вальса». Бальные пары стали танцевать вальс. Мягко и уверенно вели мужчины своих дам, платья которых элегантно развевались. И, стоя в дверях, Хомяков ощутил вдруг, что эти танцульки, черт побери, его захватывают. Он даже головой тряхнул, прогоняя наваждение: надо было работать. Но Виталий, не найдя в себе решимости испортить вальс, стал дожидаться его окончания. Однако продюсер заметил Хомякова, поднялся со скамьи и с хмурым видом двинулся к двери.

– Что-то вы припозднились, – начальственно упрекнул он. – Или поджигатель у вас в кармане?

Этот фрукт раздражал Хомякова все больше.

– У вас возникли идеи? – сухо осведомился капитан.

Продюсер опешил от подобной наглости.

– Какие идеи, по-вашему, должны у меня возникнуть?

– Хоть какие. Новые улики, например, или подозрения.

А может вы хотите предложить свою методику расследования? Говорите, я слушаю.

– Ваш сарказм, капитан, неуместен. Искать улики и все прочее – прямая ваша обязанность. Или я не прав?

– Так не цепляйтесь, – отрезал Хомяков. – Где я был, что делал... Жалуйтесь моему начальству, нам обоим проще будет.

Продюсер пригладил седеющую шевелюру.

– Во-первых, я не ябеда. А во-вторых... вижу, Виталий

Павлович, вы с норовом. Но я тоже не сдобная булочка и, можете поверить, с вас не слезу. Либо вы найдете поджигателя, либо...

— ... отправляюсь в заблеваный сортир подтирать бом-
зам задницы, — закончил за него Хомяков. — Бросьте на ме-
ня давить: толку не будет. — Он кивнул на дверь, за которой
те же танцевальные пары исполняли фокстрот. — Что они ре-
петируют? Как называется спектакль?

Продюсер, казалось, прикидывал: разозлиться оконча-
тельно или побереечь нервы? И здравый смысл, похоже, по-
бедил.

— «Петрушка на балу», — ответил он. — Петрушка — фольк-
лорный персонаж, как вам должно быть известно.

— Ну и?

— Что «ну и»?

— Что у них там происходит?

— Петрушка со своей невестой решают участвовать в кон-
курсе бальных танцев. Они усиленно тренируются, однако
на балу... Виталий Павлович, у меня нет времени. Пусть кто-
то другой вам расскажет.

— У меня тоже нет времени, — парировал Хомяков.

— Что-то незаметно. Ей-богу, занялись бы лучше...

Тут в дверях появилась Ольга, на шее которой красовался
вчерашний бант.

— Не помешала, мальчики? — произнесла она.

Продюсер поморщился.

– Сколько шарма. И все на пользу.

Ольга томно потянулась.

– Ты разве не торопишься?

– Кого здесь это интересует?

– Никого. Я из вежливости.

– Вежливость идет тебе...

– ... как тебе остроумие.

Хомяков расположился в кресле и уставился на эту парочку. Покосившись на него, они слегка осадили. Продюсер сказал почти спокойно:

– Да, я тороплюсь. А расследование пожара ни тпру, ни ну.

Ольга усмехнулась.

– Увяз, бедный?

– Как видишь.

– Ты этого хотел.

Продюсер едва сдержался.

– Можешь не мешать?

– Прости не могу. – Ольга подмигнула капитану милиции. – Макаров назначил меня куратором следствия.

Продюсер хмыкнул.

– Теперь понятно, почему дело ни с места.

– Сегодня только второй день, – подал голос Хомяков.

– Именно! – поддержала Ольга. – О результатах судить рано.

Продюсер взялся за дверную ручку.

– Капитан, если эта девушка с бантом вам помогает, осте-

регайтесь! – произнес он и вошел в зал.

Ольга плюхнулась в кресло, задрав ноги на подлокотник.

– Как мы его!

Хомяков смотрел на нее изучающе.

– Сними дурацкий этот бант.

Ольга мотнула головой.

– Еще не разрешили.

– Кто не разрешил?

– Не твое дело.

Хомяков продолжал ее разглядывать.

– Странно ты себя ведешь с этим красавчиком.

Ольга приподняла бровь.

– К пожару, Виталик, это отношения не имеет. Кстати, сегодня ты тоже красавчик. Костюм, галстук, пальтишко... – Она поцеловала кончики пальцев. – Симпомпончик, а не мент.

Выбритые щеки Хомякова порозовели.

– У жены день рождения, – соврал он.

– Поздравляю. Не помнѹ до вечера стрелки на брюках.

– Спасибо за совет, – буркнул капитан. – Странные, говорю, у тебя отношения с продюсером. Он такое тебе позволяет, хоть на тюфяка не похож. Напрашивается вывод.

Ольга округлила глаза.

– И какой же? Интересно жутко.

– В общем, ты права. – Хомяков расстегнул пуговицы на пальто. – Не мое собачье дело.

– Начал, так договаривай. Не то сдохну от любопытства.

– Коню ясно, Оль: ты его любовница. И ведешь здесь какую-то свою игру. Не знаю, связано ли это с пожаром...

Ольга рассмеялась.

– Образец милицейской логики.

– Скажешь, ошибаюсь?

– Самую малость. Красавчик этот – мой брат. Не похож разве?

Хомяков растерянно моргнул.

– Да ладно, брось.

– Продюсер – мой родной брат! – отчеканила Ольга. – И собачиться с ним я привыкла с пеленок! Усек, Эркюль Пуаро?!

Хомяков продолжал моргать.

* * *

В ситцевом платице сидела Оля на тахте, и лицо ее выражало непоколебимое упрямство. Меж тем зануда братец в джинсах, водолазке и куртке прохаживался из угла в угол, намериваясь улизнуть. Ну и валил бы, черт с ним. Так нет же! Перед свиданкой повоспитывать вздумал! Такая заботливость – полный отпад, ну давай-давай, воспитывай.

Валентин, однако, молчал и мерил шагами комнату. Лишь форточку прикрыл, из которой сильно дуло. Октябрь начался заморозками.

– Можешь не маячить! – сверкнула глазами Ольга. – Заводи пластинку, я слушаю: «Оля, рассуди здраво, подумай

о родителях. Чем тебя не устраивает, Оля, профессия врача?» Только давай покороче, чтоб меня не стошнило.

Брат остановился, сжав кулаки.

– Заткнись, засранка! Не доводи лучше!

Ольга вскочила с тахты.

– Давай, врежь мне! Может, полегчает!

Валентин отступил на шаг.

– Стерва мелкая! Что из тебя только вырастет?

– Сказать тебе?! – Ольга чмокнула свои пальцы. – Конфетка вырастет! Грильяж в шоколаде!

Прыснув, Валентин примирительно поднял руки.

– Ладно. Пара вопросов – и я побежал.

– Вали без вопросов!

– Почему ты выбрала именно Катинο училище? Мало их в Москве?

Ольга сбавила тон.

– А сколько? Валь, я не знаю... Там твоя Катя занимается – значит, школа неплохая.

– Умеешь подольститься, когда захочешь, – вздохнул Валентин. – Вопрос второй: понимаешь ли ты, что тебе уже двенадцать лет? К тому же, кто примет тебя в середине учебного года?

– В начале. Сейчас октябрь.

– А если и примут, ты хоть представляешь, какое напряжение от тебя потребуется?

Ольга нахмурилась.

– Твоя помощь не нужна. Отвали.

Валентин укоризненно покачал головой.

– Знаешь, куда я сейчас направляюсь? В это самое училище, к Татьяне Андреевне на разборку. Надо ж такое учудить: неделю таскаться за ней по пятам и канючить... Ну, что выдумалась? Достала ты ее, понимаешь!

Ольга обескураженно присела на тахту.

– Тебе Катька трепанула?

Брат постучал себя по лбу.

– Катя пыталась за тебя, дурында, хлопотать. Но Татьяна Андреевна ее отшила. Сказала, что хочет поговорить с твоими родителями. – Валентин взглянул на часы. – Вот я и направляюсь. Может, вместо родителей сойдет старший брат – как думаешь?

Ольга повисла у него на шее.

– Уговори ее, Валька! Пусть она меня возьмет! Что хочешь для тебя сделаю: посуду мыть буду, трусы твои стирать... Только уговори ее, Валь!

Валентин отстранился.

– С трусами я уж сам как-нибудь. Но попытаюсь. Хотя не уверен, к месту ли там такой грильяж в шоколаде. – Он шагнул к двери. – И главное, не уверен, нужно ли это тебе самой.

Ольга метнулась за ним в прихожую.

– Нужно, Валечка! Очень-очень!

На лестничной площадке Валентин обернулся.

– Спасибо Макарову, да?

Сестра выдержала его взгляд.

– Возвращайся, Валька, я жду. Предкам ни слова – сразу ко мне, о'кей?

Валентин в сердцах захлопнул дверь. Когда он вышел из подъезда было половина пятого, но пасмурное небо словно торопило наступление вечера. Шагая к метро, Валентин не имел ни малейшего желания знакомиться с учительницей классического танца, внушавшей Кате благоговейный трепет. Но, как говорится, вызов был брошен.

Катя встретила его на крыльце училища. Она также была в куртке да в джинсах и зябко при том ежилась. Невзирая на близящийся вечер, детки разных возрастов сновали туда-сюда.

– Давай пройдемся, – предложила Катя. – У тебя еще минут десять.

Валентин поправил прядь ее волос, выбившихся из-под вязаной шапочки.

– По-моему, ты замерзла.

– Один кружок перенесу. – Катя взяла его под руку, и они двинулись вокруг здания училища.

Валентин вздохнул.

– Как советуешь с ней держаться?

– Скромно и почтительно. Ты справишься. Она благо-склонна к молодым красивым мужчинам.

– Спасибо за лестную оценку.

– Чего там, свои люди. – Чуть помедлив, Катя заметила: – Сестра у тебя – чудо природы. Никаких комплексов.

– В смысле? – насторожился Валентин.

Катя улыбнулась.

– В двенадцать лет такая целеустремленность... Четко знает, чего хочет.

– Осуждаешь?

– Завидую. Мне есть, чему у нее поучиться.

– Передам ей, – сказал Валентин. – Думаю, она согласится давать тебе уроки.

Они рассмеялись, и Катя обронила:

– Вчера, между прочим, здесь промелькнул Макаров. Жаль, мы до него не дозвонились, а то я бы...

– Как это, промелькнул? – озадаченно уточнил Валентин.

– Как метеор. Помахал мне рукой и свалил. Типа некогда ему. У вас что, на работу ходить не обязательно? – Катя кивнула на дверь училища. – Ладно, тебе пора. Я подожду у раздевалки.

Они вошли в вестибюль. Валентин отдал Кате свою куртку и отправился на второй этаж в комнату №9, где суровая педагогиня проводила экзерсисы у станка. Дверь была приоткрыта. В помещении, не слишком просторном, стояли две девчухи года на три младше Ольги. Одеты они были в нечто, напоминающее закрытый купальник, и трепетно взирали на величавую даму в спортивном костюме. Даме было за сорок или около того. Лицо ее было ухоженным и благо-

даря выразительным глазам, как бы подчеркнутым стрижкой «под мальчика», казалось привлекательным. Фигура педагогини, разумеется, вполне соответствовала балетным стандартам.

– Дома повторите весь экзерсис, чередуя медленный и быстрый темп, – напутствовала учениц дама. – Отрабатывайте каждое движение, старайтесь не делать длинных пауз. Ясно тебе, Смолина?

– Да, Татьяна Андреевна, – пролепетала одна из девчушек, а вторая кивнула на всякий случай.

Педагогиня обозначила улыбку.

– Особо обратите внимание на маленькое адажио, выполняемое в середине зала. Выбатывайте устойчивость без опоры, чтобы Смолина, как вчера, не завалиться набок.

Девчушки синхронно кивнули. Они, похоже, готовы были пообещать все что угодно. Не представляя, сколько продлится эта экзекуция, Валентин тихонько постучал в дверь и заглянул.

Педагогиня в недоумении на него обернулась. Затем произнесла:

– Ладно, дорогуши. До завтра.

С видимым облегчением девчушки прошмыгнули мимо Валентина. И тот поспешил представиться:

– Я насчет Ольги Ляшенко. Здравствуйте, Татьяна Андреевна.

Несколько мгновений дама откровенно его изучала. И ре-

шила, очевидно, не слишком церемониться.

– Какой еще Ляшенко, какой Ольги?

– Ну... э-э... той девочки, которая вас допекает.

– Ах, да. – На лице Татьяны Андреевны отразился интерес. – Вы ее папаша?

– Старший брат.

– Догадываюсь, что не младший. Почему родители не явились?

Валентин, помня наставления Кати, подавил в себе раздражение. Более того, улыбнулся, в тридцать два зуба, а зубами своими он по праву мог гордиться.

– Родители заняты, Татьяна Андреевна. С работы не смогли вырваться.

– Кто они по профессии?

– Врачи. Так что сами понимаете...

– Понимаю. Сойдет и старший брат. – Педагогиня указала на стулья у стены. – Присядем. Только аккуратней, старайтесь не топтать.

Валентин прошел на цыпочках и, садясь, не удержался:

– Вот так годится?

Педагогиня изящно опустилась на соседний стул.

– Тут специальное покрытие, его беречь надо, – снизошла она до объяснений. – А что касается вашей сестры... Яркая, потрясающая девчонка. Вы, наверное, привыкли и даже не замечаете, насколько потрясающая.

На сей раз Валентин улыбнулся от души.

– Почему же не замечаю...

– Уберите ее от меня подальше. Нет у меня ни сил, ни времени с ней возиться. Балет – не игрушки, он требует полной самоотдачи.

– Но, Татьяна Андреевна, она просто бредит балетом...

– Мало ли кто чем бредит. Поздновато спохватилась.

– Неужели двенадцать лет – слишком поздно?

Дама поднялась со стула, и спина ее при этом была идеально прямой.

– Разговор окончен, молодой человек. Сестра ваша, я уверена, добьется успеха на другом поприще. Может, к примеру, выучиться на врача или стать фотомodelью. Но с балетом пусть не пудрит себе мозги. Всего вам доброго.

На этом Валентин вынужден был распрощаться.

Вручая ему куртку, Катя сочувственно спросила:

– Надежду хоть оставила?

– Ни малейшей. – Они вышли на улицу, и Валентин пересказал беседу с педагогиней. – Не представляю, как Ольку этим огорошить.

Катя вздохнула.

– Татьяна умеет быть стервой. Но она не двулична, Валь. Сказала так – значит, без головоморочки. Спорить с ней –дохлый номер.

Они шли к метро, шурша опавшими листьями. Валентин задумчиво проговорил:

– Без головоморочки оно, может и лучше. Погуляем?

Катя покачала головой.

– Заниматься надо. Проводи меня и скажи утешать Ольку. Она там, небось, как струна натянутая.

Валентин нехотя с этим согласился.

В метро Катя вернула разговор к прежней теме.

– Какого черта Макаров у нас ошивается? В вашей лаборатории отсиживать, что ли, не обязательно?

Валентин пожал плечами.

– Завлаб у нас либерал, и график довольно свободный... А что значит «промелькнул как метеор»?

– То и значит, – раздраженно ответила Катя. – Заглядывал в наш зал и что-то рисовал в альбоме. Татьяна Андреевна это видела, но, что интересно, внимания ноль. Потом, в перерыве, он что-то втолковывал Мише Ласкину, причем без линейки на носу. А мне помахал только – ни здрасьте, ни до свидания... Ты говорил ему, как я возмущена?

– Говорил.

– Зря. Лучше б я сама врезала ему... И что он ответил?

Валентин обреченно вздохнул. От Макарова, похоже, даже отсутствующего, избавиться не удастся.

– Ответил, что плохой танцорше физики мешают. И велел тебе кланяться.

Катя сверкнула глазами.

– Помешать мне он не способен! А плохая ли я танцорша, судить не ему!

Проводив ее до подъезда, Валентин, награжденный поце-

луем в щеку, поехал домой. Стоило ему приоткрыть дверь квартиры, взволнованная Ольга выскочила в прихожую. Следом за ней, однако, вышли родители, и начался обмен впечатлениями от событий дня. Брат с сестрой, переглянувшись, важный разговор отложили.

За семейным ужином Ольга артистично чирикала о школьных своих делах, а Валентин меж тем обдумывал, как подсластить ей горькую пилюлю. И не придумал ничего лучше так называемой шоковой терапии. Оставшись с сестрой наедине, он выпалил:

– Выкинь дурь из головы: никому ты там не нужна. У Татьяны Андреевны на такую старуху, как ты, нет времени. Понятно?

Казалось, Ольга заплачет.

– Зачем же она звала родителей?

– Затем и звала, чтобы убрали тебя с ее глаз подальше.

– А ты не свистишь?

Валентин положил руку сестре на плечо.

– Плюнь, Оль. Жила ведь без балета...

Девочка сбросила его руку.

– Ничего ты не понял, тупица! Я этого не переживу! – Она устремилась к двери.

Валентин вслед ей крикнул:

– Ну давай, вешайся! Мир понесет невосполнимую потерю!

Он мерил шагами комнату. Настроение было препоганым:

с Катей все шло как-то наперекосяк, а тут еще Олька... Валентин попробовал читать статью в физическом журнале – бросил на середине, даже не уловив сути. Принялся за английский детектив – та же, примерно, история. Разумно было сдаться, и отойти ко сну.

Сестра мягко растормошила его ночью. Присев на постель, она прошептала:

– Я так этого не оставлю. Расшибусь в лепешку, но не оставлю.

– Спалишь училище? – спросонья буркнул Валентин. – Угомонись, Христа ради.

Девочка направилась к себе, обронив на ходу:

– Вот увидишь!

Утром она пошла в школу. Отсидела кое-как три урока, ухитрясь даже получить пятерку по литературе. Затем отпросилась с истории, соврав, что болит горло. Дома, в одиночестве, Ольга наскоро перекусила (причем с аппетитом) и помчалась в балетное училище.

Педагогиню она поймала на лестничной площадке между вторым и третьим этажами. Однако и рта раскрыть не успела, как та окрысилась:

– Опять ты здесь? Кажется, вчера я доходчиво все объяснила твоему брату. Или не доходчиво?

Ольга набрала в грудь воздуха.

– Я не старуха, Татьяна Андреевна! Честное слово!

Педагогиня подавила улыбку.

– Ты хорошо понимаешь, что речь идет о балете.

– Татьяна Андреевна, я справлюсь! У меня все получится!

– Не сомневаюсь, дорогуша: с твоим-то напором...

Но не у нас, извини.

Щеки Ольги пылали.

– Ну испытайте меня! Вы сами увидите...

– Боже, что за липучка такая! – Педагогиня двинулась вверх по ступенькам. – Пойми, тебе уже не вписаться в учебный процесс.

Семеня за ней, Ольга выложила последний свой козырь:

– Я художественной гимнастикой три года занималась!

Сальто могу крутить!

Педагогиня взглянула на нее сверху вниз.

– Так может, тебе в цирк? Идея неплохая, подумай.

– Я не хочу в цирк, Татьяна Андреевна! Позвольте мне только...

– Дорогуша, у меня трудный день. Всего тебе доброго.

Ольга смотрела ей вслед полными слез глазами. Затем спустилась в вестибюль и, как приговоренная к казни, опустилась на стул у стены. А рядом, не обращая на нее внимания, сновали балетные дети всех возрастов. Возвращаться домой было тошно. Ольга сидела, сгорбясь, словно у нее болел живот, и услышала вдруг насмешливый голос:

– Что это? Крушение надежд или глубокая медитация? – Перед ней стоял румяный с морозца Макаров в куртке и с сумкой на плече. Волосы его, как обычно, топорщились.

Ольга просияла.

– Как ты здесь оказался?

Сергей присел на соседний стул.

– Тебе не доложили, что я тут партизаню? – Он достал из сумки альбом, раскрыл и показал девочке. В альбоме были карандашные наброски женских фигурок, изображающих движения классического танца. – Представь, увлекся. Даже идеи кое-какие замаячили.

Ольга перелистнула страницы.

– Здорово! Когда ты успел?

– Ничего я не успел. – Сергей забрал альбом и положил в сумку. – И не стану уверять, что не в курсе твоих закидочков. Очень даже в курсе.

– Валька растрепал?

– Не растрепал, а душевно поделился. Как говорится, почувствуй разницу. Что за муха тебя укусила?

Девочка старалась не улыбаться.

– А вот интересно, Макаров: какая муха укусила тебя?

Сергей хмыкнул.

– Что за манера отвечать вопросом на вопрос? Во-первых, я взрослый дядя, а ты бандитка из седьмого «Б». А во-вторых...

– Не смей со мной так разговаривать.

– Как хочу, так и разговариваю. Подашь в суд, найму адвокатов.

Ольга просто не могла не улыбаться.

– О'кей. Что во-вторых?

Тут проходящий юноша в балетной форме изобразил шутливый поклон.

– Здравсьте вам!

– Привет, Миша, – отозвался Сергей. – Позже я тебя разыщу: возникли новые вопросы.

Миша возвел к небесам шкოდливо-грустные глаза.

– Палач и мучитель! – Он с любопытством покосился на Ольгу. – Какие еще вопросы?

– Миша, я сказал «позже». У меня тут семейный разговор. Фыркнув, юноша отчалил.

– Что за чувак? – осведомилась Ольга.

Сергей строго на нее взглянул.

– А во-вторых, ответь мне честно-пречестно: у тебя это серьезно? Или нормальный девчачий закидон?

Ольга посмотрела ему в глаза.

– Серьезней некуда, Макаров.

Сергей со вздохом кивнул.

– Что ж, может, оно и к лучшему. Научишься танцевать – поэкспериментируем. Будешь моим творческим полигоном.

Ольга не знала, смеяться или плакать.

– Какой полигон, Макаров? Какие эксперименты? Спустись на землю: только что меня выперли. Так выперли, что в ушах засвистело.

Взгляд Сергея выразил неподдельное сочувствие.

– Татьяна Андреевна?..Ну да, разумеется. – он встал

со стула. – Жди здесь, не уходи.

– Бесплезно, – вздохнула девочка. – Дохлый номер.

– Услышать такое от тебя – просто ушам не верю. – Закинув на плечо сумку, Сергей зашагал к лестнице.

Педагогиню он обнаружил в пустом классе. Стоя у окна, она листала клеенчатую тетрадь с записями. В ответ на приветствие Сергея она рассеянно кивнула.

– Заходите. У меня десять минут.

Сергей прошел вдоль стены к стулу, достал из сумки несколько книг и аккуратно выложил на сиденье.

– Спасибо, возвращаю.

Брови педагогини приподнялись.

– Уже прочли? Похвально... И как впечатление?

Сергей пожал плечами.

– Про Голейзовского – интересно. «Сочинение танца» Захарова – местами дельно, а в основном лабуда. А сборник классических балетных либретто... простите, полная бредятина. Накропать такое можно лишь после лоботомии, причем левой ногой.

Прямая спина педагогини сделалась еще прямее, а ухажженное лицо словно застыло.

– Нахал вы, Сережа, потрясающий. Но даже, нахал, вроде бы, должен понять, что писалось это не для журнала «Новый мир», а для балетных спектаклей.

– В том-то и беда, Татьяна Андреевна. Зачем эту лабуду танцевать, ума не приложу.

– Возможно, Сергей, вам недостает знаний, опыта и, пардон, наработанного вкуса.

Макаров улыбнулся.

– Коли так, дело поправимое: учусь я быстро. Но возможно, Татьяна Андреевна, и другое: взгляд у вас замыленный. Две сотни лет ваша балетная секта блюдет свои ритуалы, не отвечая на главный вопрос: какого черта ЭТО надо танцевать? Что именно в ЭТОМ указывает на неизбежность танца?

Щеки педагогини порозовели.

– «Указывает на неизбежность танца», – передразнила она. – Сами придумали?

– Ага. Дарю.

Положив тетрадь на подоконник, педагогиня с царственным видом приблизилась.

– Переубедить вас я вряд ли сумею. Думаю, физики должны заниматься физикой.

– Интересная мысль, я запишу. – Сергей церемонно вручил ей книги. – Присядем на минутку, Татьяна Андреевна.

– Сережа, у меня нет времени вести с вами полемику. К тому же она малопродуктивна.

– Как знать. Прошу вас, Татьяна Андреевна, присядьте.

Взглянув на свои часики, педагогиня опустилась на стул.

– Разве что на минутку.

– От вас зависит. – Сергей оседлал соседний стул. – Почему вы не дали девочке шанс? Как вам не стыдно?

Педагогиня выдержала паузу, затем сказала:

– Напрасно я позволила вам приходить. Вы преступаете все границы.

– Лишь те, которые не признаю. Если повторите, что я нахал, это будет неизобретательно.

– И все же рискну повториться. Вы испытываете мое терпение.

Сергей кивнул.

– Вполне сознательно. У вас имеется выбор: устроить истерику да выгнать меня взашей или честно себя спросить: «Как могла я не дать девчонке шанс?» Что предпочтете, мадам?

Покраснев от гнева, педагогиня хлопнула себя по колену... и рассмеялась.

– Кем доводится вам эта коза?

– Сестрой моего друга. Возьмите ее, Татьяна Андреевна: она ваше чудное мгновение.

– Ну как же, она гимнастикой занималась! Поймите, Сережа: девочка опоздала. Ей не догнать ровесниц.

Сергей протестующе качнул головой.

– Вы недооцениваете гимнастику. Во-первых, Оля, умеет отрабатывать движения. Во-вторых, тело ее привыкло к нагрузкам. Она обязательно нагонит.

Педагогиня резко поднялась.

– А если не нагонит? Какую травму это ей нанесет! И что тогда мне с ней делать? Сережа, я не могу рисковать.

Макаров покачал головой.

– Никакого риска. План таков: разрешите ей присутствовать на ваших занятиях. Пусть перенимает и упражняется дома. Дайте ей срок, скажем, полгода. Не нагонит – до свидания, нагонит – вы ее берете. В чем тут риск?

Подумав, педагогиня вздохнула.

– Прете как танк.

Сергей кивнул.

– Но я танк свой, не вражеский.

Татьяна Андреевна вновь рассмеялась.

– Ладно, пусть придет в понедельник. К двенадцати. Посмотрим на вашу гимнастику. Но пока я ничего не обещаю.

С этим известием Макаров спустился в вестибюль. Узнав о результате переговоров, Ольга аж глаза вылупила.

– Макаров, ты ее уболтал?.. С ума сойти!

– Не уболтал, а убедил, – поправил Сергей. – Придется нам с тобой утереть им нос. Будешь моим троянским конем в классическом балете. Вали домой.

Ольга задыхалась от переполнявших ее чувств.

– Макаров, ну ты вообще... даже не знаю...

– Вали домой. Мне тут еще порисовать надо.

Ольга пылко пожала ему руку обеими ладошками и метнулась к выходу. Пасмурный октябрьский день заиграл вдруг многоцветьем красок. Даже проезжающие мимо автобусы будто улыбались стеклами.

Дома Ольга с нетерпением дожидалась брата. Стоило Ва-

лентину переступить порог квартиры – девочка выскочила в прихожую.

– Нормалек! – сообщила она. – В понедельник у меня просмотр!

Валентин снял куртку.

– Что за просмотр?

– В балетном училище, – пояснила Ольга торжествующе. – Татьяна Андреевна велела к двенадцати. Ништяк, отпрошусь в школе.

Валентин недоверчиво уставился на сестру.

– Как тебе удалось?

– Долго рассказывать, – отмахнулась Ольга. – Скажу тебе вот что. Если Макаров уведет у тебя Катку, не переживай. Потом я у Катки уведу Макарова. Железно, Валь.

Брат смотрел на нее, что называется, опупев.

* * *

– Допустим, ты сестра продюсера, – почесал переносицу Хомяков – Почему тогда твоя фамилия не Ляшенко, а Круглова? От разных отцов, что ли?

Сидящая в кресле Ольга расправила бант на шее.

– Круглова я по мужу, Виталик. Запиши себе в блокнот.

– Во, блин... – В голосе капитана милиции прозвучало то ли разочарование, то ли облегчение. – Значит, ты замужем?

– В разводе. Дважды. Причем второй раз фамилию не меняла.

Хомяков встал, прошелся по холлу и язвительно произнес:

– Искала опору в жизни?

– Такую как ты. – Соскочив на пол через подлокотник, Ольга подошла и с кошачьей грацией возложила ногу Хомякову на плечо. – Выдержишь, пупсик?

У капитана зашлось дыхание. В такой позиции они застыли на манер скульптурной группы. Из приоткрытой двери зала слышалась мелодия в ритме босановы.

– Кончай! – прошипел Хомяков. – Сними сейчас же!

Ольга смотрела ему в глаза.

– Думаешь, если моя нога на твоём плече, я так сразу и кончу?

Хомяков побагровел.

– Слушай, блин... Щас твоего брата позову!

Хохотнув, Ольга с легкостью убрала ногу.

– О'кей, твоё взяла. Пошли перекусим. У нас неплохой кафетерий в подвале – я угощаю. Ну не злись: больше не буду.

Капитан перевел дух.

– Ладно, перекусим. Но ты следуешь впереди, а я за тобой – не ближе трёх метров. Выполняй.

Смеясь, Ольга повела его в кафетерий.

Меж тем босанова в зале смолкла.

Глава 5

Балетмейстер выключил магнитофон. Две балльные пары, закончив танец, смотрели выжидательно. Сидящая на скамье группа, среди которой находился и продюсер, шепотом обменивались впечатлениями. Макаров, заложив руки за спину, прошелся по залу.

Тощий Миша Ласкин нервно пригладил редеющие волосы.

– Не тяни резину, садист.

Одна из танцевальных пар, более юная, вежливо хихикнула. Другая, постарше, не прерывала выжидательного молчания. Балетмейстер обратился к Мише:

– Позволь поиграть в начальника.

– Не позволю. Говори.

– Вот ты и есть садист.

Все рассмеялись.

Миша подмигнул взволнованным новичкам.

– Моя рекомендация здесь кое-что значит. Он вас берет.

Макаров кивнул.

– Беру. Рекомендация Ласкина – здесь закон.

Все опять рассмеялись.

Танцор из пары постарше выдохнул:

– Мы не подкачаем.

– Уверен в этом, – ответил Сергей. – В понедельник к де-

вяти. Тренировочную форму вам подберут. В июне гастроли, времени в обрез – никакой расслабухи. Вот, собственно, и все.

Валентин встал со скамьи.

– Как это все? Деньги, значит, никого не интересуют? Это настораживает.

Когда смолк общий смех, танцовщица из пары постарше пробормотала:

– С условиями нас Миша приблизительно ознакомил...

– При всем уважении к Мише, – перебил продюсер, – завтра прошу ко мне в офис. – Он вручил новичкам свои визитки. – Оформим контракт на полгода с пролонгацией. Сперва к юристу, потом в бухгалтерию. В первой половине дня, желательно.

Та же танцовщица не без кокетства уточнила:

– Форма одежды парадная?

Валентин улыбнулся.

– Вечерние платья не обязательны.

– А дипломы предъявлять?

– Только паспорта.

Новички, простившись, направились к выходу. Миша Ласкин цепко взглянул на Макарова.

– Я провожу?

– Сделай одолжение, – кивнул Сергей и произнес, обращаясь к труппе: – Перерыв полчаса. Кофе не пить, поймаю за куревом – мало не покажется.

Танцоры поднялись со скамьи. Женщина с бледноватым лицом, поправляя заплетенную косицу, усмехнулась тонкими губами.

– Как только Миша за дверь – Макаров командует.

– Пользуюсь моментом. Полчаса – время пошло.

– Дал бы хоть сорок минут.

– Не торгуйся, Лера. Не то обыщу и, если найду сигареты, сама понимаешь.

– Макаров, не приставай к моей жене, – встрял мужчина с чахлой бородкой. – Обыск – типичное сексуальное домогательство.

– Размечтался, – парировал Сергей.

– Елецкие, гуляйте! – раздраженно вмешался Валентин. – Дайте нам поговорить.

Лера махнула супругу рукой.

– Пойдем, Сань. Боссы желают секретничать.

Оставшись вдвоем, балетмейстер и продюсер присели на скамью. После короткого молчания Валентин заметил:

– Похоже, ты не слишком доволен.

– Не в восторге, – подтвердил Сергей.

– Тогда зачем ты их взял?

– Вариант рабочий – вытащим.

– Какого черта? – недоумевал Валентин. – Мог бы еще отсмотреть, выбрать... Вон Катя предлагала пару.

Макаров пожал плечами штангиста.

– А зачем? Привести в восторг меня трудно. В первом

приближении ребята эти годятся. К тому же нагрузка на них не велика.

– Не велика – зато в центральной сцене.

– Это правда. Но им придется делать то, что они привыкли. С некоторыми отклонениями, разумеется. Эти отклонения мы и отработаем. Расслабься, Валька: твой бизнес я не подорву.

– Ой, не знаю, не знаю.

Сергей хмыкнул.

– По-моему, на «Чарли» ты неплохо разжился. Или ты врал, чтоб меня подбодрить?

Валентин с усмешкой пригладил шевелюру.

– Если б я не разжился, то остался бы твоим другом, но никак не продюсером.

Сергей усмехнулся в ответ.

– Ты ведь знаешь, недоумок, что я твоя золотая жила. Можно сказать, единственное оправдание твоей коммерции. Причем без всякого криминала. Ножкой раз, ножкой два – и полный аншлаги.

– Ну конечно. Позвольте спросить, сэр: мои криминальные деньги не жгут вам руки?

– Нет, вроде. И знаешь почему? Потому что я своим искусством грязное твое бабло отмываю. Отмываю, отмываю – как старая прачка. Замучался уже отмывать.

Валентин расхохотался. Затем положил руку Сергею на плечо.

– Послушай, прачка и золотая моя жила, что-то ты расхандрился. Может, поделишься?

– Тебе мерещится, Валя. У вас, бизнесменов, душа трепетная, чутко реагирующая на изменение курса валют. Остерегайся психушки.

– Макаров, давай-ка вечером к нам. Посидим, глотнем коньячку...

– Отвяжись Валька. Я в порядке.

– Серьезно? Тогда признайся: почему ты столь категорично отказался посмотреть танцевальную пару, предложенную Катей? Вкус у нее, думаю, не хуже, чем...

– Эй! – перебил Макаров. – Неужели за двенадцать лет мы с Кате еще не наговорились?

Валентин пристально на него посмотрел.

– Не ожидал, что у тебя с этим проблемы.

Сергей качнул вихрастой головой.

– Никаких проблем. Но полагаю, о Кате мы наговорились до оскомины. Хватит, Валя: это уже на извращение смахивает.

* * *

В середине октября чуть потеплело и распогодилось. Однако в научно-исследовательском институте физического приборостроения (НИИФП) батареи отопления раскалены были настолько, что могли бы согреть близлежащие улицы в суровые январские морозы. Окна в институте, разумеется, были распахнуты, и от сквозняков, само собой, сотрудники

простужались. Начальство повелело окна задраить. Возмущенные лаборанты, инженеры и эм-эн-эсы (даже те, кто исходил соплями) потребовали усмирить отопление. Сия задача начальству оказалась не по силам, и конфликт принял вялотекущие формы. Шел четвертый год Горбачёвских преобразований.

Лаборатория, в которой по распределению трудились Сергей Макаров, Валентин Ляшенко и Дина Белых, состояла из девяти человек, раскиданных по трем комнатухам. Валентина и Дину поместили в комнату побольше, рассчитанную на четверых. Макаров же с лаборантом Костей ютились чуть ли не в чулане: два стола, два стула и общая корзина для бумаг. Окна, вопреки запрету начальства, на этом научном блок-посту были нараспашку. И все, кто сюда заглядывал, вскрикивал с завистью: «Ой, как у вас здорово!»

А сегодня в раскрытое окно заглядывало солнышко, и сидящий за столом Макаров расстегнул рубашу до пупа. Лаборант Костя где-то ошивался. Место его временно оккупировал инженер Вася Пронин – улыбчивый, сдобный как булочка и заметно полысевший в свои тридцать. На Васе был добротный пиджак, но без галстука – верхняя пуговка его сорочки демократично была расстегнута.

– Еще никто не доказал, – вещал Макаров, – что пространство нашей Вселенной не Евклидово. Похоже, физикам просто наскучило играть в кубики. Не рановато ли?

Вася Пронин с улыбкой отмахнулся.

– Ты просто зациклился на модели Энштейна – де Ситтера. Она себя изжила.

Макаров иронично выгнул бровь.

– Кто сказал? С таким же успехом я могу утверждать, что ты балдеешь от модели Фридмана – Леметра. Да-да, не хихикай. Возможно, интровертность твоей личности вполне соответствует пространству закрытому и конечному, которое вскоре может схлопнуться. Опять же, допустим, оно и так. Но позволь, однако, спросить: зачем тебе эта хрень, Вася?

Пронин хохотнул.

– Почему бы и нет? Раз уж наша Вселенная...

В дверь просунулся Валентин.

– Слушай, Серж... э-э... Привет, Василий!

Макаров приглашающе махнул рукой.

– Заходи. Мы тут сотрясаем мироздание.

– Воздух мы сотрясаем, – хохотнул Пронин.

Валентин усмехнулся.

– Не смею мешать. – Он взглянул на Сергея. – Перемолвиться бы надо. Загляну позже.

– Давай, – кивнул Макаров. – Скоро мы этот мир порешим. – Когда дверь за Валентином затворилась, он обратился к оппоненту: – Так что ты там плел?

– Может, Вселенная в целом, – продолжил мысль Вася Пронин, – имеет нечто, подобное радиусу Шварцшильда... Что ты кривишься? Именно в модели Фридмана – Леметра эта гипотеза продуктивна.

Макаров мотнул вихрастой головой.

– Мечтатель ты, Вася. Радиус Шварцшильда как линейный параметр возникает лишь тогда, когда тело конкретной массы сжимается до определенных размеров. Само собой, если во Вселенной реализуется модель Фридмана – Леметра, вся материя сожмется до Черной Дыры. Это, прости, тривиально...

Дверь приоткрыла Дина Белых.

– Ой, как у вас хорошо! – Она была в сером деловом костюме, юбка до колен. Ножки стройные, прическа продумана и умные глазки за очками на миловидном лице. – Привет, Вася! Не помешала?

Пронин галантно приподнялся на стуле.

А Макаров пригласил:

– Динка, присядь. И поделись мыслями о радиусе Шварцшильда.

Девушка указала на распахнутое окно.

– Сейчас придет Горюнов, увидит это – и что такое радиус Шварцшильда, ты ощутишь на своей шкуре.

– В самую точку, – хохотнул Вася Пронин.

Дина многозначительно взглянула на Сергея.

– Хотела кое-что с тобой обсудить. – Она улыбнулась Пронину, который из деликатности вознамерился удалиться. – Сиди, Васенька. Я зайду минут через двадцать.

Запах ее духов еще не выветрился, как в комнатку таки вступил завлаб Горюнов – бородатый мужик лет под сорок,

на лице которого было написано: «К защите докторской почти готов». Взгляд его, само собой, устремился в распахнутое окно, к солнцу.

– Макаров, я либерал, – прищурился завлаб. – Привет, Вася! Я либерал, Макаров, но закрой немедленно.

Сергей развел руками.

– Не могу: жарко.

– Закрой говорю. Пока меня не вздрючили.

– Не закрою, Леонид Иванович.

Несколько мгновений они взирали друг на друга. Затем завлаб слегка повысил свой сочный баритон.

– Проверю через полчаса! Жарко тебе?.. Хоть разденься, но закрой! – Он величаво удалился.

Вася Пронин тоже поднялся.

– Ну все! Пойду от греха! – хихикнул и был таков.

Дина, как обещала, зашла через двадцать минут. И застыла в дверях. Напротив Сергея, вместо Васи Пронина, сидел молоденький лаборант Костя, лопоухий и веснушчатый. Костя готовился к поступлению в ВУЗ, и в данный момент Макаров разбирал с ним алгебраический пример.

– Прибавляем одну четвертую «а» и вычитаем столько же. Теперь выделяем полный квадрат. Сечешь?.. Затем эту фигюину сокращаем – просто красота. Костя не считай ворон!

– Ты, Серега, запиши. Я дома вникну.

– Не дома, а сейчас, лодырь! Смотри, какая прелесть: приводим к общему знаменателю и сокращаем опять... Динка,

заходи! Что ты там застряла?

А застряла Дина вовсе не потому, что боялась помешать лаборанту готовиться по алгебре, а потому, что подготовку эту Макаров проводил, сидя в одних лишь плавках. Зато окно было закрыто.

– Ну ты даешь! – восхитилась Дина.

– Горюнов разрешил, – отмахнулся Сергей и ткнул авторучкой в тетрадь. – Костя, не хлопай ушами! После сокращения получаем...

В этот момент вернулся завлаб. И обомлел. Даже борода торчком встала.

– Макаров, у тебя что, крыша напрочь съехала?!

Лаборант проворно улетучился с абитуриентской своей тетрадкой. Дина Белых осталась...

Макаров потянулся на стуле, поигрывая мышцами.

– Леонид Иванович, – сказал он, – ваше распоряжение я выполнил в точности.

На интеллигентном лице завлаба, что называется, отразилась борьба чувств. Победило, похоже, научное любопытство.

– Плавки всегда на себе носишь? Или захватил случайно? Макаров даже не улыбнулся.

– Я вычислил вас, Леонид Иванович. Вы легко предсказуемы.

Побагровев, завлаб покосился на Дину.

– Надень штаны, охальник! Вокруг женщины!

– Нравится мне это «вокруг», – буркнул Сергей.

И Дина пришла на выручку.

– Женщинам, Леонид Иванович, тоже впору раздеваться, – заявила она. – Я, между прочим, купальник с собой принесла.

Завлаб отреагировал адекватно:

– Как говорится, напугали ежа, – усмехнулся он. – Надень штаны, Макаров и открой окно. Шут с тобой.

– А с нами? – воспользовалась моментом Дина. – Нам тоже позволено окна открыть?

Завлаб бесшабашно махнул рукой.

– Открывайте. В этой стране все через задницу. – Он шагнул к двери. – Зимой батареи, небось, ледяными будут.

Сергей вдогонку бросил:

– Можно мне завтра смотаться в двенадцать?

Завлаб вернулся и тяжело оперся руками о стол.

– Каков нынче у нас день недели?

– Вторник, – невозмутимо подсказал Сергей.

– А когда ты должен закончить нашу статью об изобарах – висмут и полоний? В пятницу, если память мне не изменяет. А статью о радиоактивном семействе «уран-актиний»? На следующей неделе, так? Но у тебя, судя по всему, там и конь еще не валялся. Макаров, я либерал, однако и мое терпение на исходе.

Сергей выдержал гневный взор начальства.

– Если я выдам обе статьи послезавтра, могу я смотаться

завтра в двенадцать?

Завлаб растерянно почесал бороду.

– Это шутка? В четверг, досрочно, ты обе статьи кладешь мне на стол?

Сергей кивнул.

– И если вас не устроит качество, обязуюсь сидеть здесь в пальто при закрытых окнах.

Завлаб азартно протянул руку.

– Заметано! Дина, ты свидетель! Облажается – будет париться в пальто!

Дина тонко улыбнулась.

– Не надейтесь, Леонид Иванович: не облажается.

– Ну и чудненько. В накладе, значит, никто не останется. – Завлаб вышел в приподнятом настроении.

Дина тут же накинулась на Сергея.

– В два дня ты не уложишься, идиот! Чем ты только ду- мал?!

– Угадай, – подмигнул ей Макаров. – Первая статья уже написана. Вторую допишу вечером: остался лишь заключительный абзац.

– Не свистишь?

– Динка, ты ж меня знаешь: я сперва делаю – гуляю потом. О чем поговорить хотела?

Дина глянула в коридор, прикрыла дверь и взялась за дверную ручку, чтобы никто внезапно не вломился.

– Макаров, я так больше не могу. Он смотрит на меня как

на пустое место.

Сергей взялся было за брюки, но отложил их и оглядел сокурсницу с ног до головы.

– Укороти юбку сантиметров на десять.

– Иди к черту! – притопнула Дина. – Хотя я совсем юбку скину, он даже не заметит!

– Не попробуешь – не узнаешь.

– Макаров, я тебя придушу! У него лишь Катька на уме!

Сергей хмыкнул.

– Катька на уме у него, а придушишь ты меня. Железная логика.

– Что мне делать, Сережка? Я просто голову потеряла.

– Прежде всего позволь мне натянуть штаны. В штанах я соображаю лучше.

– Успеешь, черт тебя дери! – Казалось, Дина вот-вот разревется. – Ты говорил: «Держись, все в порядке будет». Но все не в порядке! Разве ты не видишь?!

С брюками наперевес Сергей подошел к ней и посмотрел в глаза.

– Динка, ты кретинка. Нравится рифма?

– Я не могу держаться, Макаров! Не могу причесываться по утрам, мазаться косметикой...

– А попу себе вытирать можешь?

Девушка хихикнула.

– Иди к черту! Сейчас придушу тебя твоими штанами!

Сергей взял ее за плечи.

– Динка, ты единственная из моих знакомых, в ком хрупкая женственность сочетается с природным достоинством. Я сам тебя придушу, но не позволю утратить эти качества. Ты будешь по утрам причесываться и мазаться косметикой, будешь всегда выглядеть потрясающе, как сегодня. И я гарантирую тебе: Валька никуда не денется. Вы идеальная пара.

– Только он не знает этого

– Главное – мы с тобой знаем.

Дина порывисто его обняла.

Дверную ручку при этом она, разумеется, отпустила. И разумеется, именно в этот момент вошел Валентин. Картинка, представшая его взору, впечатляла весьма. Дина Белых, можно сказать, в разгар рабочего дня висит на шее у Макарова, практически голого, мнущего брюки.

После неловкой паузы Валентин раздраженно осведомился:

– Мне уйти?

– Нет, – отозвался Макаров. – Постой на атасе.

Они с Диной рассмеялись. Валентин тоже изобразил улыбку.

– Что здесь вообще происходит?

Дина поправила прическу.

– Угадай. – Она шагнула не спеша за дверь. – Ладно, ребята. Пойду отворять окна в наших хоромаш.

Валентин воззрился на друга.

– Что происходит? Дело не мое, конечно...

– Прикрой дверь, – распорядился Макаров. – Могу я наконец одеться? – И, натянув брюки, пояснил: – Я сострил удачно. Динка оценила юмор и в избытке чувств...

– А голый почему?

Застегивая рубашку, Сергей вкратце обрисовал обстановку и показательно распахнул окно. И, когда Валентин отсмеялся, он прокомментировал:

– Горюнов из-за Динки прямо шелковый. Так и ест ее глазами.

Лицо Валентина слегка вытянулось.

– А она?

Сергей пожал плечами.

– Кто женщин разберет? Горюнов – мужик видный, без пяти минут доктор наук, разведенный к тому же. Так о чем ты хотел поговорить?

Валентин взъерошил свою шевелюру.

– Думаешь, Динка способна клюнуть на этого потасканного либерала? Из карьерных, допустим, соображений.

Сергей вновь пожал плечами.

– Насчет потасканности – не замечал. А что касается карьеры, почему бы и нет? На Динку никто не давит, непристойных предложений никто ей не делает. Так что выбор за ней, мы с тобой не арбитры. – Он взглянул на часы. – Говори, о чем хотел.

Валентин нехотя кивнул.

– Ты прав: не наше дело. Я насчет Ольки. С тех пор, как

ты нацелил ее на балет...

– Не шей мне статью. Я не нацеливал, просто помог.

– Пусть так. Но эта поганка с этим балетом как с цепи сорвалась. Упражняется с утра до ночи. Родителей на уши поставила: то одно ей подавай, то другое. Скоро из дома нас выживет.

Присев на подоконник, Сергей подставил лицо хилому октябрьскому солнышку.

– Ну и молодчина, – обронил он.

– В чем, интересно, она молодчина?

– В том, что из дома вас выживает. Выроете землянку, обустроитесь... Валька, ты ведь не за этим пришел.

Валентин смущенно топтался у двери.

– Катя передать просила, чтобы ты нашел другое училище для своих экзерсисов.

Сергей хмыкнул.

– Какие слова мы знаем. Продвинутые нынче пошли балерины.

Валентин нахмурился.

– Пойми, она нервничает. Думает, ты наблюдаешь за ней, чтобы критиковать.

Сергей жмурился на солнце.

– Неужели? А если Катя выйдет на сцену Большого? К ее ногам само собой, посыпятся только розы, без шипов критики. Валька, почему ты позволяешь девчонке парить тебе мозги? Мачо ты или тряпка?

– Мачо у нас ты! – огрызнулся Валентин.

– Не только, – возразил Сергей. – Завлаб наш – тоже мачо. Для одного НИИ даже многовато. Причем борода у завлаба натуральная.

– Ты меня достал! – Валентин вышел, хлопнув дверью.

Сергей с минуту еще позагорал и закрыл окно.

Дома, поужинав, он сразу сел за статью о радиоактивном семействе «уран-актиний» и дождал ее за час. Затем переоделся в шорты, раскрыл альбом с рисунками балетных движений и принялся их отрабатывать. Вошла мама, понаблюдала, сказала «псих» и вышла.

Минут через десять мама вернулась вместе с отцом. Оба встали в дверях. Мускулистое их чадо как раз выполняло «шпагат», который хорошо ему удавался со школьной скамьи. Родители переглянулись. Нормальные советские инженеры, они тихо недоумевали. Комплекции они были хрупкой, нрав имели любознательный, и выкрутасы отпрыска побуждали их обмениваться впечатлениями.

– Впадает в маразм? – поинтересовался отец. – Рановато. Этак мне за ним не поспеть.

Мама указала на альбом.

– Это маразм с картинками.

– О-о! – восхитился отец. – Он собирается переучиться на балерину.

Мама фыркнула.

– А что? Талия у него вполне.

Сергей невозмутимо отрабатывал вращения.

Отец спросил:

– Почему без музыки?

– Музыка после вручения призов, – разъяснила мама.

Отец заглянул в альбом, затем перевел взгляд на вертящегося сына.

– И как это безобразие называется?

– Сиссон томбэ вперед, – выдохнул Сергей. – Освободите помещение, зубоскалы.

Мама потянула отца за рукав.

– Петя, пойдем. Вдруг это какой-то вирус.

– Сиссон томбэ! – повторил отец. – А ведь был такой способный, такой ласковый мальчик.

Родители вышли.

– Ха-ха! – бросил вслед им Сергей. – Комики на манеже!

Запарясь с пируэтами, он стал отрабатывать гимнастический мостик. Затем принялся отжиматься на руках и выполнять кувырки вперед-назад. Тут опять вошла мама.

– Тебя к телефону.

– Кто? – осведомился Сергей, стоя на голове.

– Девушка.

– Если Динка, мам, скажи, я перезвоню.

– Не Дина.

– А кто?

– Подойди и выясни это сам.

Переместясь с головы на ноги, Сергей последовал в при-

хожую и взял лежащую на тумбочке телефонную трубку. Из трубки прозвучал взволнованный голос:

– Здравствуй. Это Катя.

Губы Сергея расплылись в улыбку.

– Привет, Катерина. Я не согласен категорически.

Голос девушки выразил растерянность.

– С чем не согласен?

– С твоим стремлением турнуть меня из училища. Ведь звонишь ты по этому поводу?

В трубке возникла пауза.

– В общем, да. Зачем ты к нам повадился?

– Изучаю классический танец. Нельзя?

– Ой, да прекрати! Ты просто дурака валяешь!

Сергей улыбался до ушей.

– Каждый из нас останется при своем мнении. У тебя все?

В трубке опять возникла пауза.

– Слушай, Макаров, – девушка старалась говорить жестко, – неужели тебе трудно выбрать для своих чудачеств какое-нибудь другое...

– Катерина, – перебил Сергей, – почему ты звонишь из автомата?

Катя замялась.

– С чего ты взял?

– У тебя там машины гудят. Или ты используешь звукозапись?

– Да, из автомата, – призналась Катя. – Я знала, что мы

порукаемся, и не хотела, чтобы слышала мама.

Сергей хмыкнул.

– В таком случае у меня предложение. Сейчас я к тебе приеду, мы полчаса погуляем и разругаемся окончательно.

– Это исключено! Я устала, мне рано вставать... Во сколько ты сможешь приехать?

– А где ты живешь?

– Полежаевская. В двух шагах от метро.

Взглянув на часы, Сергей произвел в уме подсчет.

– Буду к десяти. До половины одиннадцатого навешаем друг другу плюх, и ты заснешь умиротворенная. Говори адрес.

Катя хохотнула и, назвав улицу с номером дома, сказала:

– Жду у подъезда. Только знаешь, Макаров... я не хочу ругаться.

– Это у тебя минутная слабость, – предположил Сергей. – Как только меня увидишь, мигом обретишь боевой кураж. Подбирай пока забористые выражения.

Катя рассмеялась.

– Макаров, ты невыносим! – И повесила трубку.

Сергей в темпе принял душ и оделся.

– Куда ты, на ночь глядя? – осведомилась мама.

Сын обернулся в дверях.

Рядом с матерью стоял отец, заговорщически усмехаясь.

– Что знаменательно, – проговорил он, – весь балет из го-

ловы точно ветром сдуло.

– Может, он мчится экзамен сдавать? – высказала догадку мама.

Сергей сохранил серьезность.

– Зря стараетесь, ребята. Меня вам не высмеять.

Отец чуть склонил голову набок.

– Почему ты так считаешь?

– Потому что верю в прогресс.

Родители прыснули.

– Чтоб в одиннадцать был дома! – бросила вдогонку мама.

На тротуаре Сергей пинал по дороге камешек.

Для середины октября было довольно тепло, и на безоблачном небе сверкали звезды.

Катя ждала у подъезда. На ней была куртка с шарфиком, джинсы и сапожки. Ее пышные черные волосы, словно сгусток тьмы, собраны были в узле на затылке, а глаза искрились, как частички звездного неба.

Она шагнула Сергею навстречу.

– Походим вокруг дома, да?

Сергей качнул головой.

– Зачем ходить вокруг да около? – Он взял девушку за плечи и поцеловал в губы. – Ну здравствуй.

Обомлевшая Катя его оттолкнула.

– Ты что... обалдел?

– Даю тебе лишний повод поругаться. – Сергей вновь ее поцеловал, более настойчиво.

Катя отстранилась не сразу.

– Слушай, ты хоть соображаешь... соображаешь хоть что-нибудь? – И она поцеловала Сергея сама. Затем посмотрела ему в глаза. – Ой, Сереж, что мы делаем?.. Сереженька... – И приникла к его губам мягкими теплыми губами.

Когда дыхание у обоих зашло, они замерли, обнявшись. Припозднившиеся жильцы дома, спеша к семейным очагам, деликатно их обходили.

А Сергей с Катей все целовались.

– Ну вот, – сказал Сергей, переводя дух, – теперь отправляйся баиньки.

Катя прижалась к его груди.

– Нет, я еще хочу. – И они целовались до головокружения, а во время перерыва Катя прошептала: – Сереж, не уходи. Давай всю ночь так стоять.

Сергей взял ее лицо в ладони.

– Не могу: меня мама заругает.

Катя рассмеялась.

– Прекрати, Макаров! Я тебя не отпущу!

Сергей смотрел ей в глаза.

– Когда у тебя день рождения?

– Десятого января. А что? Хочешь подарить мне поцелуй?

Разумеется, они поцеловались, и Сергей сказал:

– Мы оба понимаем, что ты втрескалась в меня по уши и, конечно же, хочешь...

– Замолчи! – Даже при свете фонаря заметно было, как

вспыхнули Катины щеки. – Пожалуйста, не надо!

– И хочешь, – невозмутимо продолжил Сергей, – предложить мне руку и сердце. Скрывать не стану: я окрылен. Но, так как тебе нет восемнадцати, не могу воспринимать твоё предложение как деловое. Лишь после десятого января этот проект обретет почву. И если до тех пор ты не передумаешь, противиться тебе я не сумею.

Теперь Катя взяла его лицо в ладони.

– Макаров, ты серьезно?

Он смотрел ей в глаза.

– Более чем.

Она порывисто его обняла.

– И я смогу тебя тормозить, царапать и кусать?

Сергей вздохнул.

– Веселенькая перспектива.

– Со мной не соскучишься, – пообещала Катя. – До января не дотерплю, подделаю паспорт.

– А я буду навещать тебя в тюрьме. – Они рассмеялись, и Сергей сказал: – На этой оптимистической ноте я провожу тебя до лифта.

Катя обнимала его за шею.

– Когда мы увидимся?

– Завтра после двенадцати я приеду в училище.

– Училище не в счет. Скажи честно, Макаров: зачем ты к нам повадился?

Сергей потерся носом о её нос.

– Хотел быть к тебе поближе. А потом увлекся.

– Что значит «увлекся»?

– Фантазия разыгралась. Интересно экспериментировать в балете.

Катя потрепала его за вихры.

– Ой, Макаров, ты невозможен! Но видеться мы будем каждый день, да? Вне этого чертова училища.

Сергей улыбнулся.

– Если я тебе не надоем.

Катя посмотрела на него долгим взглядом.

– Лишь бы я тебе не надоела.

– А вот этот разговор мне уже не нравится. – Сергей потянул ее в подъезд. – Марш спать.

У лифта Катя спохватилась:

– А как же Валя? Наверное, я перед ним виновата...

– В чем?

– Ну-у... вертихвостка я в его глазах.

Сергей кивнул.

– И в моих тоже.

Катя постучала кулачком по его плечу.

– Я тебя убью! Вы с Валею из-за меня не рассоритесь?

Сергей качнул головой.

– Мы с Валькой не рассоримся никогда.

– Смотри, ты обещал. – Катя вошла в лифт. – Знаешь, Сереж, мы едва с тобой знакомы, но мне почему-то кажется, что я люблю тебя гораздо больше, чем ты меня.

Сергей вытащил ее из лифта за руку.

– Кать, ты не смеешь так ошибаться.

– Ну, тогда... – Катя с улыбкой прикрыла глаза, – тогда последний поцелуй перед сном.

Домой Сергей вернулся за полночь. Родители спали, в квартире стояла тишина. Стараясь ничем не гроыхнуть, Сергей почистил зубы и тоже лег.

В постели он долго ворочался, планируя объяснение с Валентином. Ничего успокоительного, однако, на ум не приходило.

Поэтому, приехав утром в свой НИИФП, он отвел друга в укромный уголок и без предисловий выпалил:

– Женюсь на Кате.

Валентин на мгновение застыл, но, что любопытно, удивился не слишком.

– Она об этом знает? – криво усмехнулся он.

Сергей не улыбнулся.

– Вчера ее уведомил. Ничего не поделаешь, Валька: это судьба.

Валентин хмуро вздохнул.

– Давай, вали все на судьбу.

Тут мимо прошел завлаб, обронив:

– Зайди ко мне, Ляшенко.

Валентин дернулся было исполнять, но Сергей его придержал.

– Через пять минут, Леонид Иванович, ладно? – бурк-

нул он.

Завлаб обернулся, борода его ошетибилась.

– Семинар на лестничной площадке, докладчик Макаров, да?

– Типа того.

– А про две статьи к четвергу помнишь? Или тебе недосуг?

– Леонид Иванович, я сказал «будут» – значит будут.

– Ну смотри, а то... Я, конечно, не деспот, но сам понимаешь. – И завлаб ушагал к себе.

Валентин пробормотал:

– Сволочь ты, Макаров. Но хоть какая-то определенность.

– Почему я сволочь?

– Еще спрашивает!

Сергей хлопнул его по плечу.

– Валька, встанем перед зеркалом. Глянь на себя, красавца, и на меня, пенька неструганного. Как бы все обернулось, если б не судьба?

Валентин фыркнул.

– Ну да, заливай. Сразил девчонку своим лучезарным обаянием...

Сергей вскинул руку.

– А почему на Динку мое обаяние не действует? Подумай.

– Динка-то здесь при чем? – приподнял брови Валентин.

Сергей потрогал его лоб.

– Тебе лечиться надо. Иди уж, пока Горюнов санитаров

за тобой не прислал.

– Погоди. – Лицо Валентина выражало недоумение. – Ты хочешь сказать, что Дина как бы... что я ей небезразличен?

Сергей посмотрел ему в глаза.

– Валя, иди в жопу.

* * *

Сидя на скамье в танцевальном зале, Сергей с Валентином молчали минуты две. Затем Валентин произнес:

– Сомневаюсь, что разговор о Кате закончен. Но черт с тобой.

Сергей оперся спиной о стену.

– Угу, черт со мной. И поставим точку.

Валентин с беспокойством покосился на друга.

– Ладно, поговорим о пожаре.

– В каком ракурсе? – уточнил Сергей. – Волну, допустим, ты погнал. Второй день мент роет землю носом...

– Слабовато роет.

– А чего ты от него хотел? Чего ждешь от меня? Он работает, как может, а мы репетируем с Божьей помощью.

– Это понятно, – отмахнулся Валентин. – Но зачем ты Ольку на мента науськал?

– А что такого?

– Жаль парня.

Глянув друг на друга, продюсер и балетмейстер прыснули.

– С Олькиной помощью, – пояснил Сергей, – сыщик либо в темпе что-то нарывает, либо даст отсюда стрекача. В том

и другом случае канитель эта завершится.

Валентин встал со скамьи.

– Желательно, чтоб с результатом. Перекусить не хочешь?

– А то. – Сергей также поднялся. – Только не порть мне аппетита.

Они направились к двери.

Глава

6

В холле капитан Хомяков и Ольга расположились в креслах. Плотнo пообедав, капитан бросил пальто на журнальный столик и ослабил узел галстука. С красной лентой на шее Ольга сидела, перекинув ноги через подлокотник, и курила сигарету, воровато поглядывая на дверь зала.

– Качественная у вас столовка, – похвалил Хомяков. – Недорого, вкусно и дизайн интересный.

Ольга выпустила в его сторону струйку дыма.

– Дизайн – это ж надо! Какие слова мы знаем!

– Давай, прикалывайся. Только ноги на плечи не клади.

– Произвела-таки впечатление? Неплохо бы развить успех.

Капитан поерзал в кресле.

– Не дури. Вернемся к работе.

– Докурить дай.

– Значит, говоришь, Алина Макарова перед пожаром заходила в «дебри»? И с ней кто-то из мужчин?

– Сошлешься на меня – отопрусь.

– Кто именно с ней был?

Ольга вновь пустила в него дым.

– Спроси у нее сам.

– Спрошу. Не могла бы ты, кстати, ее...

Тут из дверей зала вышли продюсер с балетмейстером. Ольга принялась гасить сигарету в припасенной консервной банке. Но не успела. А если б и успела, куда спрятать дым? Продюсер с балетмейстером на миг застыли. Хомяков ссутулился, бог весть почему ощутив себя нашкодившим мальцом. Ольгины щеки стали пунцовыми, и капитан отметил, что каскадерша эта ни на шутку испугалась. Продюсер меж тем воззрился на балетмейстера.

– Прибить ее? – произнес он сердито.

Макаров хмуро смотрел на Ольгу.

– Сними этот чертов бант.

Сдернув с шеи ленту, Ольга скомкала ее и сунула в жестянку с табачным пеплом.

– Ой, ну подумаешь, – пробормотала она. – Всего пара затяжек. Столько волнений выпало...

– И детство у тебя тяжелое было, – съязвил Макаров.

Кашлянув, Хомяков вступился:

– Она, правда, пару затяжек. Замучил я ее своими вопросами.

Макаров склонил набок вихрастую голову.

– Вы замучили ее? Интересная версия.

Ольга скосила на капитана глаза, которые (можно было

поклониться) были на мокром месте.

– Спасибо, напарник. Не поминай лихом.

– Ой, ой! – скривился продюсер и обратился к балетмейстеру: – Жду тебя в столовой. – Он вышел из холла.

Макаров приглашающе приоткрыл дверь зала.

– Прошу, птичка моя.

Ольга поплелась, как на заклятие.

Хомяков приподнялся в кресле.

– Сергей Петрович... э-э... мы еще не закончили.

– Пять минут. – Для наглядности Макаров выставил пятерню. – Верну вам ее в целости, капитан.

Они с Ольгой вошли в зал и, прикрыв за собой дверь, уставились друг на друга.

– Бьешь меня под дых, – сухо произнес Макаров.

Ольга дотронулась до его плеча.

– Не нагоняй изжоги, о'кей?

– На кого я могу положиться, если не на тебя, дрянь такая? Ты что мне обещала?

– Всего одна сигаретка...

– После чашечки кофе, да? А потом репетиция, от которой матерый десантник загнется.

Ольга вяло симитировала гнев.

– Это мое здоровье, Макаров! Я сама им распоряжаюсь, о'кей?!

Сергей поводил указательным пальцем перед ее носом.

– Здоровье свое ты продала мне с потрохами. Выполняй

контракт. – Глядя Ольге в глаза, Макаров не повышал голоса. – Кобылка ты, к счастью, еще молодая, с хорошим запасом прочности. Но расходовать этот запас вот так, – Сергей щелкнул пальцами, – идиотизм полный. Если я сейчас дам тебе коленом под зад...

– Прекрати! – вскричала Ольга. – Точно я преступница какая-то!

– Если дам тебе под зад, – невозмутимо продолжил Макаров, – спектакль накроется и мы с твоим братом будем в дерьме по макушку. Что прикажешь мне делать?

Лицо Ольги стало пунцовым.

– Не терпится меня турнуть?! Я тебе как кость в горле?! Сергей будто не слышал.

– Главное, – подсадовал он, – Алька в рот тебе смотрит, и под твоим влиянием, упаси Боже...

– Алька не курит! Я за ней слежу! – заорала Ольга. – И если на то пошло, ты знаешь, курю не одна я! Многие у нас курят!

– Речь не о «многих». Меня интересуешь ты.

– Неужели?! Давно ли я тебя интересую?! Не обкурился ли ты сам?!

Сергей взъерошил свои вихры.

– Щас в лоб дам, поганка маленькая.

В глазах Ольги блеснули слезы.

– Я давно не маленькая! Ты не заметил?!.. Макаров, я больше не буду!

Сергей покачал головой.

– Прежде, когда ты что-то обещала, я руку мог позакладывать: маленькая поганка слово сдержит. А что теперь?

– Макаров, прекрати! – По Ольгиной щеке поползла слезинка.

Сергей слезинку эту стер.

– Теперь, когда ты стала поганкой большой... даже не знаю.

Ольга всхлипнула.

– Больше не буду, честно! Верь мне, Макаров: ни одной затыжки! Пусть я останусь поганкой маленькой!

Они оба рассмеялись, Ольга – сквозь слезы.

* * *

Весть о скорой женитьбе Макарова семиклассница Оля перенесла стойко. Внешне, по крайней мере. Когда брат сообщил отпадную эту новость, заканчивался ноябрь. Погода стояла холодная, но снег еще не выпал. С открытой форточкой, из которой несло морозом, Ольга проделывала упражнения, заданные балетной наставницей.

После месяца вольного посещения уроков классического танца девочка не могла не ощутить: Татьяна Андреевна ею довольна. Ну, еще бы! Занималась Ольга с редчайшим фанатизмом и способности при том проявляла недюжинные. В школе тоже дела шли нормально: по всем предметам средняя оценка «четыре». В балетном училище порой мелькало лицо Кати. Дважды та пыталась заговорить, но Ольга

вежливо делала ей ручкой. Случались встречи и с Макаровым, продолжавшим зарисовывать в альбом балетные движения. С ним Ольга вела зажигательные беседы. «Упражняешься?» – интересовался, к примеру, Сергей. – «Как чумовая, – вздыхала в ответ Ольга. – Все места себе растянула – и тут, и тут...» – «Молодчина, – скупно хвалил Макаров. – Я тоже весь в растяжках. Скоро всех вас перетанцую.» – «Только не меня», – улыбалась Ольга. – «А вот посмотрим, – подмигивал Сергей. – Не забывай, главное, про художественную гимнастику. Про сальто там всякие, прогибы и стойки на руках.» – «Ой, Макаров! На фиг мне это сдалось в балете?» – «Это в ИХ балете на фиг. А в НАШЕМ балете, Оль, в самый раз.» – «Как это, в НАШЕМ?» – «Еще не придумал. Упражняйся пока». И далее в таком духе. И вот нате вам: женится на Катьке, говнюк.

Из форточки несло морозцем, но упражнялась Ольга в купальнике. Родители, по счастью, отсутствовали, так что поднять хипиш было некому. Сообщивший новость Валентин растерянно наблюдал невероятные кульбиты, проделываемые сестрою.

- Зачем это? – любопытствовал он. – Разве это балет?
- Это наш с Макровым супербалет, – запыхаясь, ответила Ольга.

Валентин невесело усмехнулся.

- Известие, вижу, не выбило тебя из колеи. Я рад.

Смахнув со лба влажную прядь, Ольга взглянула на него

с вызовом.

– Из колеи не выбит даже ты. А мне что, вешаться?

– Ах ты сопля зеленая... – пробормотал брат. – При чем здесь я?

«Сопля» похлопала его по плечу.

– При чем ты или нет, решать тебе. А я для себя все решила.

Валентин припомнил недавний разговор:

– Уведешь Макарова у Кати?

– Не сразу, – уточнила Ольга. – Мне подрасти еще надо, оформиться... Пусть пока погуляет.

Брат воззрился на нее в обалдении.

– Оль, елки-палки... тебе же только двенадцать! Какими, интересно, глазами ты смотришь на одноклассников?

– В упор их не вижу. – Девочка подтолкнула брата. – Иди, Валь, не отсвечивай. Макарову мои поздравления.

Макарова, однако, она увидела сама. Следующим вечером у себя дома. И заявился он с Каткой. Уж этого Ольга снести не могла.

Снимая пальто с Кати, Сергей объявил.

– Мы на полчаса буквально. Погреемся и поскачем дальше.

Не успел Валентин разинуть вежливый рот, как стоявшая в прихожей Оля (в купальнике, между прочим) с ангельским видом уточнила:

– Поскачите куда?

Сияющая Катя, в брючном костюме под цвет глаз и с волосами, лихо заколотыми набок, выглядела сногсшибательно, что лишь увеличило Ольгину агрессивность. И очевидное Катино дружелюбие ничуть не разрядило атмосферы.

– По домам разбежимся, – ответила расфуфыренная балеринка, влюбленно косясь на Макарова. – Сережа следит за моим режимом. Говорит, я должна выспаться.

До чего мерзкое сюсюканье. Но поддержать светский разговор Валентин и Сергей опять же не успели.

– Выспаться с кем? – Оля кивнула на Макарова, затем – на брата. – С ним? Или с ним? – И пока публика, что называется, выпадала в осадок, поправила на плече бретельку. – Как тебе мой купальник, Катюш? Не слишком меня полнит?

Трое оппонентовотреагировали почти синхронно.

– Что ты несешь? – пролепетала Катя.

– Я ее придушу! – процедил сквозь зубы Валентин.

Макаров расхохотался. Затем снял с плечиков Катино пальто и сказал:

– Пошли. Здесь не погреешься.

И Катька, надевая пальто, будто кукла хлопала ресницами.

Побелевший Валентин уговаривал не обращать внимания на эту оторву и грозил «оторве» карами небесными. Словом, цирк да и только.

Макаров не спеша надел куртку.

– Расслабься, Валька: у нас правда режим. Иначе, – он

приобнял Катю за плечи, – при таких нагрузках балетная фи-
фочка превратится в клячу.

Катя потерлась щекой о его руку.

Оля крикнула:

– Зачем ты ее сюда привел?! Скажи честно, зачем?!

Катя побледнела.

Валентин побагровел и рывкнул, чтоб «сопля» шла вон.

Но Макаров сделал успокаивающий жест, присел перед Ольгой на корточки и мягко взял за ухо.

– Отвечу на оба твоих вопроса. Купальник тебе в самый раз, только в попе надо ушить. А пришел я сюда, чтобы рас-
ставить точки. Катя встречалась с твоим братом, а теперь я
на ней женюсь. Так вышло, ничего не поделаешь. Мы при-
шли, чтобы продемонстрировать: мы вот они, мы хорошие
и навсегда останемся вашими друзьями, наплевав на затер-
тые житейские клише. Что такое «клише», посмотри в сло-
варе. А в остальном, Оль... По-твоему, я дал честный ответ?

– Да, – тихо вымолвила девочка.

– А как ты встретила нас? Словно гадюка ядовитая. –
Слегка дернув ее за ухо, Сергей встал с корточек. – Больше я
с тобой, Оля, не дружу. И приходить в гости к твоему брату
буду лишь в твое отсутствие. Пока, Оль. Купальник ушить
не забудь.

Валентин пошел проводить парочку до лифта.

Ольге показалось, что мир обрушился. Она крикнула
в распахнутую дверь:

– Макаров, вернись! На минутку, пожалуйста!

– Чего тебе еще? – буркнул из-за двери Валентин. – Вроде, уже высказалась!

– Минутка – не проблема, – отозвался Сергей. – Вредничать не буду. – Оставив Катю с Валентином у лифта, он шагнул в прихожую. – Что скажешь, поганка маленькая?

Девочка смотрела в пол.

– Больше не буду, честно.

Сергей выдержал паузу.

– Ответственно заявляешь?

– Век свободы не видать, – торжественно поклялась Ольга.

Сергей протянул руку.

– Проверим, чего стоит твое слово.

Ольга закрепила рукопожатие.

– Прекрати, Макаров: ты меня знаешь.

Сергей вновь шагнул за порог.

– Конфликт исчерпан. Мир.

Возведя глаза к небесам, Катя промолчала. А Валентин пробормотал:

– Щас она у меня огребет. По полной программе.

Сергей мотнул головой.

– Все, Валька, проехали.

На том они простились. Спустившись в лифте, Сергей с Катей вышли из подъезда. И Катя простонала:

– Я ее просто боюсь!

– Куплю тебе пистолет, – пообещал Сергей.

– Она же влюблена в тебя! Разве не видишь?

– Эта девчачья влюбленность, Катя, как простуда. Прочихается и пройдет. Не бери в голову.

– Пройдет, как же! Она вон балетом занялась – пашет как трактор...

– Жутко интересно! Мечтаю увидеть танец трактора.

– Не ерничай, Макаров. – Дыхание девушки уносилось комочками пара. – Нужен ей балет как рыбе зонтик. Стоит тебе бросить валять дурака... Кстати, может, уже хватит? Не пора ли похоронить маркиза Баттмана Тандю?

Сергей поправил на ней шарф.

– Я не подошел еще к тебе достаточно близко.

Они шли к метро. Держа Макарова под ручку, Катя потерлась щекой о его плечо.

– Это легко поправимо.

Сергей качнул вихрами.

– В близости легко не бывает. И потом, Кать... ей-богу, я увлекся. Мысленно танцы сочиняю.

Катя фыркнула.

– Милый, ты нахал. Люди годами учатся, а ты повертелся месячишко...

– Потому что я талантливый. Такой талантливый – самому жутко.

Девушка потянулась к нему и поцеловала в губы.

– Спора нет, Макаров. Смотрю на тебя, и прямо жуть про-

бирает.

Сергей рассмеялся.

– Очко в твою пользу.

Катя заглянула ему в глаза.

– Думаешь, я пошутила? Мог бы заметить, Макаров. С юмором у меня напряженка. Такой душой иногда себя чувствую... Я на полном серьезе сказала, что вижу талант твой во всем и мне жутко от собственной серости.

Сергей остановился и взял ее за плечи.

– Не смей так о себе думать. С юмором у тебя нет проблем, и талантами Бог не обидел. Не говоря уж обо всем остальном.

– Твоими бы устами, – вздохнула Катя. – Ну хорошо, не смотри так. Говоришь, я такая – верю. Только повторяй почаще.

Они вошли в метро, сели в поезд и в практически пустом вагоне устроились в уголке.

– Наблюдаю за вашим курсом, – сказал Сергей. – Знаешь, кто производит впечатление? Кроме тебя, разумеется.

– Кто? – заинтересовалась Катя.

Показав три пальца, Сергей загнул один.

– Миша Ласкин.

Катя пожала плечами.

– Миша неплохой импровизатор, выдумщик. Но техника у него так себе. Кто еще?

Сергей загнул второй палец.

– Невысокая стройная девица... Не знаю, как зовут.

– Макаров, у нас все стройные.

– Личико бледное, волосы в косицу заплетены.

– Валерия Петухова, – кивнула Катя. – Да, она вполне.

Будешь засматриваться на Леру, я тебя убью.

– На кого хочу, на того смотрю.

– Ну и зря пялишься. Лера с Елецким Сашей – не разлей вода: вот-вот поженятся, если тайком уже не поженились. Они такие у нас темнили... Так что губы зря не раскатывай.

– А кто такой Саша Елецкий?

– Кудрявенький, светленький, бородку отращивает.

Сергей хлопнул себя по колену.

– Он третий! Если б я набирал балетную труппу, этих ребят я бы опробовал.

Катя прыснула.

– Обязательно им передам. Боюсь, они все забросят в ожидании твоего вызова. А меня ангажировать собираешься?

– В первую очередь.

– Вот уж не надо. Если будешь смотреть, как я танцую, у меня крыша поедет. Подниму ногу и замру, ожидая твоих указаний: куда ногу поставить и как двигаться дальше.

Сергей хохотнул. Затем восхищенно посмотрел на Катю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.